

ISSN – 1684-1271



■ ИЮНЬ 2004
специальный выпуск
А. Л. Вассоевич
Избранные статьи

ВЕСТНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ



Санкт-Петербург

ISSN 1684-1271 СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСТНИК
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
Бюллетень

Специальный выпуск, июнь 2004
А. Л. Вассоевич. Избранные статьи

Зарегистрирован Северо-Западным
окружным межрегиональным террито-
риальным управлением Министерства
РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Регистрационное свидетельство:
ПИ № 2-5094 от 16 марта 2001 г.

Учредитель и издатель:

Некоммерческое партнерство
ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ



Главный редактор:

А. М. ЗИМИЧЕВ, д.псх.н.

Редакционный совет:

А. Л. ВАССОЕВИЧ, д.филос.н. —
председатель редакционного совета,

О. С. ДЕЙНЕКА, д.псх.н.,

А. Н. ЖМЫРИКОВ, к.псх.н.
(Нижний Новгород),

В. В. КАЛАШНИКОВ, д.ист.н.,

Д. Ф. МЕЗЕНЦЕВ, к.псх.н. (Москва),

В. Е. СЕМЁНОВ, д.псх.н.,

А. И. ЮРЬЕВ, д.псх.н.

Редакция:

С. В. ИВАНОВ — зам. гл. ред.,
А. С. ИВАНОВА — ответ. секретарь,

Адрес редакции:

193060, Санкт-Петербург,
ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд,

тел.: (812) 110-36-30;

e-mail: vestnik@ai4646.spb.edu

© А. Л. Вассоевич

Полное или частичное
воспроизведение допускается
только с разрешения автора статей.

Тираж спецвыпуска: 1000 экз.

Печать: типография «Биль-Бо»

«Вестник Политической Психологии»

Подписано в печать: 11.06.2004

АНДРЕЮ ЛЕОНИДОВИЧУ
ВАССОЕВИЧУ — 50 ЛЕТ! 2

СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИКА
А. Л. Вассоевич. Юбилейное
сознание русских и магия чисел 4
А. Л. Вассоевич. Психологические
основы контрглобализации 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА
А. Л. Вассоевич. Церковное красноречие
и стилистика сталинских выступлений 17

ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА
А. Л. Вассоевич. Информационные
войны (к истории становления приемов
психологического воздействия) 22

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА
А. L. Vasojević. Soziale Gruppen Ägyptens
zur Zeit der assyrischen Eroberung
(Vortrag gehalten auf der Ständigen Ägyptologen-
Konferenz in Leipzig, 14.–16. Juli 1989.) 45
А. L. Vasojević. Aenigma Amonrasontheris
sive: De regula tertia Kurtii Sethe commentarius. . . 54

ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
А. Л. Вассоевич. Гражданская
психология и справедливость 59
А. Л. Вассоевич. Психолого-политические
последствия агрессии НАТО в Югославии 62

Хронологический указатель
трудов А. Л. Вассоевича. 65

ВЕСТНИК ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ:
• НИИ Комплексных Социальных исследований СПбГУ
• Санкт-Петербургского психологического общества
СПЕЦВЫПУСК ГОТОВИЛИ:

А. М. Зимичев, С. В. Иванов, А. С. Иванова.

Тираж распространяется бесплатно по адресной рассылке в Администрацию Президента РФ, Правительство РФ, Совет Федерации, Государственную Думу, губернаторам и председателям Законодательных собраний субъектов РФ, крупным промышленникам, банкирам, предпринимателям Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также по индивидуальной подписке.



**Андрею
Леонидовичу
ВАССОЕВИЧУ**

50 лет!

Дорогой Андрей Леонидович!

12 лет назад волею одного из самых роковых правителей России 12 июня — день Вашего рождения был объявлен общероссийским праздником «Независимости»(?!). Но для всех Ваших друзей, к которым мы относим и себя — редакцию, редакционный совет и всех авторов «Вестника политической психологии» — этот день, в первую очередь, будет связан с событием, произошедшим ровно 50 лет назад, а именно, с рождением выдающегося русского ученого, которым, несомненно, Вы являетесь.

Каждая эпоха в истории науки отмечена своими, только ей присущими чертами исследовательского поиска, каждой эпохе соответствует и свой тип ученого-исследователя. Наше время — время специализации научных тем, все более глубокой разработки достаточно узкой проблематики, когда большие обобщающие труды создаются чаще всего коллективами специалистов, объединяющих для этой цели свои усилия. Сегодня ученый-универсал, который бы, как Вы, был

одновременно филологом и историком, философом и психологом, знатоком древностей и современных общественно-политических процессов, — большая редкость. Широта Ваших научных интересов не может не поражать, а смелость и неординарность исследовательского подхода заставляет во многих случаях по-новому взглянуть на, казалось бы, давно устоявшиеся в науке мнения.

Ваш научный уровень и исследовательское мастерство нашли свое достойное воплощение в фундаментальном труде «Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании)» (СПб., «Алетейя», 1998, — 539 с.), который был отмечен рядом положительных рецензий в России и Германии. Тем самым Вы проявили себя как достойный ученик Ваших замечательных научных руководителей — Юрия Яковлевича Перепёлкина (1903–1982) и Бориса Борисовича Пиотровского (1908–1990).

К Вашим оценкам и прогнозам прислушиваются представители различных политических сил как петербургского, так и всероссийского уровня.

Вы можете по праву гордиться сотнями своих учеников — аспирантов, студентов, школьников. Среди тех, кто был в их числе, — востоковеды и психологи, политические деятели и священнослужители, философы и военные, журналисты и медики. Все они навсегда запомнят общение с яркой, неординарной личностью своего учителя, приобщившего многих из них к красоте интеллектуального познания мира в разных его проявлениях — будь то изучение древних языков или тайн политической психологии.

Вы — один из столь редких ученых-универсалов современности — находитесь в возрасте, который древние называли «акмэ» и считали вершиной творческой и общественной активности, лучшими годами человека.

Прошедшие несколько лет оказались для России временем глубочайших общественно-политических перемен. Особенно важно, что они были отмечены принципиальным переломом в общественных настроениях наших сограждан — переломом, который еще с конца 1980-х годов предсказывали Вы — А. Л. Вассоевич.

Естественно, что Вы и сегодня, как и прежде, не можете оставаться в стороне от происходящих событий. Нет сомнения, что Вы — как историк, психолог, философ и публицист, дадите нам свое понимание политического будущего России, а может быть и примете участие в его создании. Историко-психологический метод познания действительности еще только начинает широко применяться, и кому как не Вам, его основоположнику, открывать новые сферы его использования?

Являясь профессором кафедры политической психологии СПбГУ, профессором кафедры всеобщей истории РГПУ имени

А. И. Герцена и Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии, Вы несете на своих плечах, наряду с научной и учебной, также и большую общественно-политическую нагрузку. Активно работая для интеллектуальной и политической элиты, на которую в первую очередь рассчитаны выпуски «Вестника политической психологии», председателем редакционного совета которого Вы являетесь, Вы трудитесь и для самой широкой аудитории, будучи ведущим и председателем «Исторического клуба» на радио «Петербург» и радио России. Обсуждая в эфире самые разнообразные темы — от истории возникновения ислама до обстоятельств гибели С. М. Кирова, от судеб древнего Вавилона до неизвестных страниц ленинградской блокады, — Вы заслужили признательность миллионов радиослушателей. Осуществляя напряженную и разностороннюю интеллектуальную экспансию в радиоэфире, Вы также активно работаете и на телевидении. И в том, что сегодня Российское общество медленно, но верно подходит к трудному переосмыслению своей истории, есть и Ваша заслуга, Андрей Леонидович.

Всей своей многолетней деятельностью Вы доказали, что в полной мере наделены всеми теми качествами, которые необходимы для самых сознательных граждан России. Благодаря Вашим подвижническим трудам — научным, преподавательским, просветительским — в нашей стране появилась не одна сотня потенциальных бойцов того самого «идеологического спецназа», о котором Вы неоднократно говорили в своих публикациях и который так необходим современной России.

Редакция, редакционный совет и авторы «Вестника политической психологии» сердечно поздравляют Вас с днем рождения. Мы все хотим пожелать Вам новых вершин и новых свершений на благо российской науки и российского образования, а в конечном счете — на благо России и ее будущего.



А. Л. Вассоевич

Юбилейное сознание русских и магия чисел

Статья впервые опубликована в «Вестнике Политической Психологии» № 1 за 2001 год, с. 18–19. 30 мая 2002 года с некоторыми сокращениями перепечатана в газете «Новый Петербург» № 22 (546). Летом того же года полный текст «Юбилейного сознания русских...» перепечатывается журналом «М ОСТ», № 52, июль 2002 года, с. 68–69.

Нравится это кому-нибудь или не нравится, но необходимо признать, что нашему народу свойственно юбилейное сознание. И стар и млад уважают круглые даты: пятидесятилетие, шестидесятилетие, семидесятилетие, тем более, столетие. Научные учреждения и государственные органы — все привержены тому, чтобы отмечать круглые даты. Не всегда празднование круглых дат бывает мотивированным. Зачастую многие учреждения подгоняют свою историю под возможность отпраздновать юбилей. Ибо именно под юбилей выделяется государственное финансирование, награждаются руководители организаций. Так в инструктивном письме Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации № 93 ин/18-02 от 14.04.1999 г. за подписью министра В. М. Филиппова говорится: «Напоминаем, что в соответствии с письмом Комиссии по государственным наградам при Президенте Российской Федерации от 29 декабря 1993 года № А 24-16 юбилейными датами для коллективов учреждений и организаций принято считать 50 лет, 100 лет и далее каждые 50 лет, для граждан — 50, 60, 70, 75 и далее каждые 5 лет. Празднования других торжеств, не связанных с юбилейными датами, проводятся на

основании решения совета образовательного учреждения. При этом не допускается обращение в вышестоящие организации по вопросам дополнительного финансирования указанных мероприятий...». Такова реальность нашей жизни. Мы не в силах изменить архетипические основы общественного сознания. И в этой связи надо признать, что тот великий поворот, который происходит сейчас в нашем сознании, связан в том числе и с вступлением в третье тысячелетие. Все то, что происходило совсем недавно, каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад, вдруг превращается в события прошлого века. По сути дела, даже период Съездов народных депутатов СССР с выступлениями ораторов-популистов, которыми восхищались миллионы граждан Союза Советских Социалистических Республик, психологически уже начинает казаться чем-то таким же далеким, какими нам в школьные годы казались герои романа Фадеева «Разгром», а может, и чеховского «Вишневого сада».

Наступающий век, наступающее тысячелетие, конечно, будут трагическими для так называемых либерально-демократических сил. Вся та система ценностей, которая насаждалась десять-пятнадцать лет назад, становится

анахронизмом. Ее будут воспринимать как систему ценностей прошлого, ушедшего века. А коммунистическая идеология оказывается чем-то еще более архаичским, еще более древним. Некогда столь болезненное для нашей страны деление на «белых» и «красных» опять же теряет реальный политический смысл. По сути дела, оно превращается в эстетическую проблему. Одним больше нравится Михаил Васильевич Фрунзе в буденовке, таким, каким он изображен на станции метро «Фрунзенская» в Петербурге, а другой будет восхищаться образом Колчака в адмиральском мундире или генеральскими погонами Деникина и Врангеля. В любом случае, это уже вопрос эстетических пристрастий. А пристрастия эти сейчас становятся настолько же далекими от реальных проблем политической жизни, как, например, увлечение, пусть даже политика, классицистическими или романтическими тенденциями в литературе первой четверти XIX столетия. Все это дела далекого прошлого, психологически от нас столь же удаленные, какими были и противостоящие друг другу на сенатской площади декабристы и Милорадович для людей XX века. Теперь в такую же историческую даль уходят «белые» и «красные» времен гражданской войны.

Очень скоро даже такие фигуры как Ленин и Сталин, несмотря на всю актуальность борьбы за социальную справедливость, будут восприниматься примерно так же, как Петр Первый или Иван Грозный. Те стенания и сетования по поводу попрания Сталиным «ленинских норм», на которых возросло поколение шестидесятников, потеряют в нашей жизни всяческий смысл. И именно в первые годы XXI века происходит рождение новой идеологии.

Новые реальности нашего века стали очевидны для всего человечества, но не в новогоднюю ночь «миллениума», а 11 сентября 2001 года, когда были совершены грандиозные террористические акты в

Нью-Йорке и Вашингтоне, когда рушились не только небоскребы Всемирного торгового центра и стены антитеррористического крыла Пентагона, но и сами основы прежнего миропонимания. Все представления о геополитической стабильности, центрах силы в мировом глобализационном процессе, системах национальной безопасности и возможностях стратегического партнерства оказались сметены анонимным, но глубоко символическим триумфом человеческой воли. Однако этот, изумивший все человечество символический удар вместе с тем мог заключать в себе и грандиозный обман мирового сообщества¹, принесший на сегодняшний день несомненные геополитические выгоды только той стране, против которой террористические акты и были совершены.

Именно американская трагедия и ее геополитические последствия дали мощную подпитку идеологии прагматического патриотизма, которая набирает силы в нашей стране. Надо сказать, что в ушедшем XX веке вокруг понятия «патриотизм» существовали какие-то нелепые дискуссии. Одни пытались наполнить понятие патриотизма странным романтическим содержанием, другие утверждали, что «патриотизм — это последнее прибежище негодяев». Наше время приносит совершенно иное понимание патриотизма, распадающееся на две составные части: *«знай, чем кормишься»* и *«где живешь, не пачкай»*.

Прошедший XX век войдет в историю как век неукротимых глобалистических стремлений, которые порождали мировые войны и провоцировали региональные революции, разжигали национальную ненависть и поощряли жестокое идеологическое соперничество. И всякий раз в основе этих процессов пристальному наблюдателю удавалось разглядеть настойчивое желание как правящих элит, так и противостоящих им контрэлит, приблизиться к осуществлению заветной

¹ Мейсан Т. 11 сентября 2001 года. Чудовищная махинация. Никакой самолет не рухнул на Пентагон. М., «Карно» (без указания года издания). — 278 с.

мечты великих честолюбцев древности — к управлению миром из единого центра. На протяжении всего XX века мондиалистская идея сначала реализовывалась в попытках разжечь пламень мировой революции ради создания всемирной Республики Советов, затем — поставить земной шар под руководство народа-господина в рамках тысячелетнего рейха, и, наконец, она воплотилась в доктрину глобализма панамериканского типа.

На исходе XX века у нас оставалось еще немало любителей «общечеловеческих ценностей» и приверженцев идеи глобализма в политике. Но уже в январе 2001 года (когда наиболее яркими событиями для граждан России стали арест и заключение П. П. Бородина) даже нашей элите стало понятно, что глобализация панамериканского толка никому ничего хорошего не несет. Трагическая участь Великого Комбинатора, у которого злые румынские пограничники отобрали весь золотой запас, избили и выгнали обратно на территорию нелюбимой Родины, Республики Советов, становится мрачной перспективой для всех российских олигархов. Абсолютно понятно, что Запад не собирается создавать для них лежбища, этакую глобалистическую блат-хагу, где «флагманы российского бизнеса», могли бы спокойно прожить остаток своих дней. Нет, Запад будет достаточно жесток. Он готов идти по извечному пути приватизации капиталов, вывезенных за рубеж с территории России (вспомним печальную судьбу Меньшикова и Николая II, доверивших невероятные сокровища западным банкам). Он пойдет по пути приватизации на том основании, что это якобы криминальные капиталы. Таким образом, сама жизнь подталкивает к тому, чтобы на смену планам глобализации пришла идея контрглобализации, а на смену веку глобалистов пришел век контрглобалистов. И даже в такой цитадели глобализ-

ма, как западная Европа, антиглобалистское движение набирает обороты. Его питает растущее противоречие между транснациональными корпорациями (ТНК) и национально-государственной формой политической организации общества. Всевластие ТНК все больше тревожит достаточно широкие массы рядовых долларовых миллионеров, которые и подпиывают крупнейшие антиглобалистические акции.

Здесь надо сказать, что магия крупных чисел, чисел со многими нулями, раскрепощает воображение обладателей состояний не только на территории Европы, она действует также и в Соединенных Штатах Америки, и в других частях земного шара.

Но, пожалуй, именно в России, где и рядовые граждане, и обладатели крупных состояний больше, чем где бы то ни было, ориентированы на магию чисел, со вступлением в третье тысячелетие можно ожидать грандиозных перемен. Это связано с тем, что русское сознание в большей степени ориентировано на имя, чем на реальность². А это означает, что в России разрыв между мироощущением ушедшего XX века и новым мироощущением XXI века произойдет быстрее. Стремительно сменится парадигма всех общественных ценностей, и буквально через считанные месяцы, а уж тем более в течение ближайших двух-трех лет мы сами подивимся тому, как будет непохоже мировоззрение русских людей XXI века на мировоззрение советских людей века ушедшего. Раз так, не будем забывать вещие слова профессора Преображенского: *«Разруха начинается в головах»*. Ибо слом прежнего пагубного мировоззрения будет для наших соотечественников автоматически означать отказ от разрухи последнего пятнадцатилетия. Это укрепит тенденцию к созиданию новой российской государственности.

² Вассоевич А. Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). СПб., «Алетейя», 1998, с. 187.



А. Л. Вассоевич

Психологические основы контрглобализации

Статья впервые опубликована в 2002 году на страницах «Вестника Политической Психологии», № 2 (3), с. 24–29. Зимой 2003 года перепечатана журналом «М ОСТ», № 54, январь 2003 г., с. 64–67, с видоизмененным названием «Психологические основания контрглобализации». Затем с небольшими сокращениями статья перепечатывается газетой «Ярь», № 2 за 2003 год, с. 7–9, но уже под названием «Психологические корни контрглобализации».

Прошедший XX век уже вошел в историю как век неукротимых глобалистических стремлений, которые порождали мировые войны и провоцировали региональные революции, разжигали национальную ненависть и поощряли жестокое идеологическое соперничество¹. И всякий раз в основе этих процессов пристальному наблюдателю удавалось разглядеть настойчивое желание как правящих элит, так и противостоящих им контрэлит приблизиться к осуществлению заветной мечты великих честолюбцев древности — к управлению миром из единого центра. Не будем смущаться, что в прошедшем столетии не раз менялась политическая фразеология и лозунг Соединенных Штатов Европы заглушался громом призывов к мировой революции. Не будем смущаться, что в иных странах упования на всемирную республику труда замещались уверенностью в неколебимости Тысячелетнего Рейха, а впоследствии — убежденностью, что уж по

крайней мере на одной шестой части земли социализм победил полностью и окончательно.

Для политического психолога принципиально важно другое: мондиалистская идея (ныне воплощающаяся в доктрину глобализма панамериканского типа) имела на протяжении всего XX века свои психологические основания, в том числе и на уровне коллективного бессознательного. *«Как правило,— писал К. Г. Юнг,— когда коллективное бессознательное констеллируется в больших социальных группах, то результатом становится публичное помешательство, ментальная эпидемия, которая может привести к революции или войне и т. п. Подобные движения очень заразительны — заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой. Он не просто участвует в движении, он и есть само движение»².*

¹ Вассоевич А. Л. Юбилейное сознание русских и магия чисел // «Вестник политической психологии», 2001, № 1, с. 19 (см. с. 5 настоящего выпуска).

² Юнг К. Г. Аналитическая психология. Пер. и ред. В. В. Зеленского. СПб., МЦНК и Т «Кентавр», 1994, с. 38.

«В конце концов,— говорил К. Г. Юнг в своих „Тавистокских лекциях“,— мы подходим к ядру, которое вообще не может быть осознано — к сфере архетипического разума. Его возможные содержания проявляются в форме образов, которые могут быть поняты только в сравнении с их историческими параллелями»³.

Сейчас даже историку Древнего Мира нелегко ответить на вопрос, когда и где впервые зародилось мечтание властвовать над всем миром, управлять им из единого центра. Ясно лишь, что в те далекие времена, когда над многочисленными городами-государствами древнего Шумера воцарилась семитическая династия Аккада, основанная легендарным завоевателем «Саргоном Древним», а точнее Шаррум-кеном, его внук Нарам-Суэн, по счету четвертый правитель этого царского дома, вдруг принял в добавление к прозвищу «царь Аккада» еще и титул «царь четырех сторон света»: Na-ra-am-^dEN.ZU lugal A-ga-dè lugal an-ub-limmí-ba⁴.

Условные годы правления Нарам-Суэна — 2236–2220 гг. до н. э., и именно тогда, отбросив не только титул южных шумерийских властителей «царь Страны», но и титул властителей северных — «царь множеств», — он принимает новое, действительно всеобъемлющее величание: «Бог Нарам-Суэн могучий, бог Аккада, царь четырех сторон света». Царство Нарам-Суэна действительно было огромно, оно превосходило своими размерами даже египетскую державу времен строительства великих пирамид. Поэтому неудивительно, что своему внуку и наследнику Нарам-Суэн дал имя Шаркалишарри — «Царь всех царей». Однако, создавая собственный культ, Нарам-Суэн сильно переоценивал прочность своей державы, надежность своего союза со жрецами. Не случайно созданная

потом в городе Нишпуре шумерийская историко-дидактическая поэма обвиняет его в разрушении и осквернении храма бога Энлиля, за что царь и его город Аккаде были прокляты богами. Похоже, что последствия действительно не замедлили сказаться, ибо в конце правления Нарам-Суэна в Месопотамию с северо-востока начинается вторжение горного племени кутиев. В битве с кутиями Нарам-Суэн, видимо, и пал.

Закономерно, что его внук и преемник (уже упомянутый нами Шаркалишарри) величал себя куда скромнее. Он довольствовался титулом Sar-ga-lí-šar(LUGAL)-rí-da-núm šar(LUGAL) A-ga-dè «Шаркалишарри могучий, царь Аккада»⁵. Однако после смерти Шаркалишарри (где-то около 2176 г. до н. э.) в Двуречье начинается междоусобица, в результате которой власть в стране захватывают недавно вторгшиеся горцы. Таким образом, первая известная исторической науке попытка провозгласить власть над миром, исходящую из единого центра, города Аккаде, окончилась трагически.

Если полагаться на данные шумерийского «Царского списка», то после смерти Шаркалишарри из четырех претендентов на власть над Двуречьем счастье улыбнулось кутийскому вождю Элулумешу. При нем-то страна окончательно и перешла под власть горцев. Хотя в течение 67 лет сменилось 14 кутийских царских правлений, однако и горцы в своих аккадских надписях титуловали себя не только «царями Кутима», но и «царями четырех сторон света». Впрочем, и горским мечтам о власти над миром не суждено было осуществиться. Более того, их властвование породило стойкое отрицательное отношение к кутийскому этносу, о чем свидетельствует поэма, составленная от имени Утухенгаля, ставшего царем города Урука и возглавившего борьбу против горцев. В уста Утухенгаля о племени

³ Там же.

⁴ Westenholtz A. Old Sumerian and Old Akkadian Texts in Philadelphia. Copenhagen, 1987, p. 56, № 41.

⁵ Westenholtz A. Old Sumerian and Old Akkadian Texts in Philadelphia. Copenhagen, 1987, p. 56, № 42.

кутиев вложены, к примеру, такие слова: *«Жалящий змей гор, насильник против богов, унесший царственность Шумера в горы, наполнивший Шумер враждой, отнимавший супругу у супруга, отнимавший дитя у родителей, возбуждавший вражду и распрю в стране»*. Своим решением пойти войной на кутиев Утухенгаль *«обрадовал граждан Урука и Кулаба, город его как один человек встал за ним»*. Другое дело, что Утухенгалю не удалось воспользоваться плодами своей победы, и вскоре после нее он случайно утонул при осмотре строившейся плотины.

Новое деспотическое государство, объединившее Шумер и Аккад, создали правители III династии Ура. Во главе этого бюрократизированного государственного образования стояли властители, носившие титул *«муж сильный, царь Ура, царь Шумера и Ки-ури»* (или по-аккадски — *«Шумера и Аккада»*). Но и им тяжело было воздержаться от того, чтобы хотя бы иногда не назвать себя *«царями» «четырех сторон света»*. Но легче сказать, чем реально покорить Север и Восток, Запад и Юг. Не вдаваясь в подробное изложение всех перипетий каждого правления в отдельности, заметим, что централизованное деспотическое государство III династии Ура в конце концов погубили аморейские пастухи. Эти западно-семитские овцеводы, овладев плодородными землями юго-восточного Шумера, очень скоро, однако, превратили их в негодность, ибо земли эти вовсе не были приспособлены под пастбища. Ведь коль скоро они лежали в климатической зоне пустыни, то без регулярного орошения вновь должны были стать пустыней.

Развернутое изложение всей предыстории современной глобалистской идеи могло бы занять тома по той простой причине, что ее истоки лежат в области архетипического сознания. Более того, на подсознательном уровне ее подпитывает та неизбывная жажда власти, свойственная всем предста-

вителям вида *homo sapiens*, для обозначения которой сумрачный германский гений изобрел наименование *Herrschersnatur*. Последовательное воплощение изначальной архетипической жажды власти в условиях современного информационного общества не могло не породить мондиалистских мечтаний. Но мондиализму пан-американского типа в начале XX века, как это ни парадоксально, предшествовало иное — коммунистическое — наполнение архетипической по своей сути глобалистской идеи.

Сам термин *«глобализм»* этимологически родственен слову *«глобус»* (восходящему к латинскому *globus «шар»*). Широкое распространение он начал получать после того, как термин *«мондиализм»* по причине своего происхождения от французского *monde «мир»* стал вызывать этимологически закономерные, но неприятные ассоциации с вооруженной борьбой германских национал-социалистов за мировое господство. Ведь, как говорил А. Гитлер, *«мир, основанный на победах меча, куда прочнее, нежели „мир“, выключиваемый слезоточивыми старыми бабами пацифизма; только такой мир поставил бы весь земной шар под руководство народа-господина, способного обеспечить высший расцвет культуры»*⁶. Естественно, что уважение к травматическим воспоминаниям миллионов людей, ставших жертвами Второй Мировой войны, обязывало ввести в политический обиход новый термин, семантическое поле которого не вызывало бы отрицательных эмоциональных реакций, связанных с национал-социалистическими аналогиями.

Однако в действительности куда большие исторические основания имеет сооставление современного глобализма панамериканского толка с его коммунистическим прототипом. И коммунистическую, и панамериканистскую глобалистские доктрины роднят, прежде всего, принци-

⁶ Гитлер А. Моя борьба. (Перевод с нем.). С комментариями редакции. М. «Витязь», 2000, с. 332.

пы подчинения всех живущих на нашей планете людей неким универсальным, национальным парадигмам человеческого существования, которые навязываются из единого центра. Национал-социализм, напротив, в лице А. Розенберга провозглашал: «То, что государство можно рассматривать как поле беспланового перемещения народов, будущему поколению покажется безумием, чем-то безрассудным и самоубийственным, как и все другие требования политического либерализма»⁷.

Глобально-исторический характер национал-социализма виделся его идеологам в ином. «Наше движение, — писал А. Гитлер, — должно открыть глаза народа на положение чужих наций и суметь показать всему миру, где действительно враг. Вместо ненависти против арийцев, от которых нас может отделять очень многое, но с которыми нас во всяком случае объединяет общность крови и общность культуры, наше движение должно направить всеобщий гнев против тех, кто является действительным врагом всего человечества и подлинным виновником всех страданий... Тогда наша собственная борьба станет лучшим примером, и мы покажем другим народам дорогу, которая ведет к счастью всего арийского человечества»⁸. Эти германские претензии на мировое лидерство, на мировое господство правильнее всего было бы обозначить термином **национал-глобализм**, в то время как коммунистическая, да и панамериканистская глобалистические доктрины интернациональны или же транснациональны, а потому предполагают искоренение всего того, что препятствует унификации человечества, и, в первую очередь, — национально-культурных различий.

«Лозунг „всемирной либерализации“ и „американского века“, — пишет А. С. Панарин, — означает полное раскрепощение американского архетипа, связанного с закланием старых культур во имя торжества янки как нового человека. Под влиянием американского либерализма статус древних культур на всех континентах непрерывно занижается, и все они ставятся под подозрение в качестве помехи наступающей экономической и политической революции, которую несет американский авангард»⁹. Сопоставляя экспансионистские планы творцов современного глобализационного процесса с устремлениями коминтерновских глобалистов 20–30-х годов прошлого века, легко убедиться в определенном типологическом сходстве. Оно порождено архетипическими чертами, присущими самой исходной идее — властвовать над всем миром, повелевать четырьмя сторонами света. Документальных подтверждений тому — огромное количество. Это и политические решения Коминтерна, и стенограммы партийных съездов, и газетные передовицы. Можно, к примеру, открыть изданную в 1937 г. статью «Космополитизм» в первом издании «Большой Советской Энциклопедии» и прочитать: «Для рабочего класса всех стран родиной является та страна, в которой установлена диктатура пролетариата. Рабочий класс, являясь патриотом своей социалистической родины, вместе с тем стремится превратить в свою родину весь мир»¹⁰. Еще более ярко эта мысль сформулирована великим пролетарским поэтом В. В. Маяковским в стихотворении «Товарищу Нетте — пароходу и человеку»:

⁷ Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Tallin, «Shidex», 1998, с. 406

⁸ Гитлер А. Моя борьба. (Перевод с нем.). С комментариями редакции. М., «Витязь», 2000, с. 543.

⁹ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., «Русский национальный фонд», 2000, с. 101.

¹⁰ Космополитизм // Большая Советская энциклопедия. Т. XXXIV, М., 1937, с. 431.

Мы живем,
 зажатые
 железной клятвой.
 За нее —
 на крест,
 и пулю чешите:
 Это —
 чтобы в мире
 без России,
 без Латвий
 жить единым
 человечьем общежитьем¹¹.

По сути дела, в этих стихотворных строчках перед нами в блестящей поэтической форме предстает основная идея коммуноглобализма в своем концентрированном выражении. И хотя термин этот (подобно употребленному нами выше терминологическому новшеству «национал-глобализм») достаточно непривычен, он, однако, представляется более емким, чем термин «троцкизм», ибо троцкизм является лишь частной разновидностью коммуноглобализма. В разные промежутки времени между Л. Д. Троцким и такими виднейшими деятелями большевистской партии, как Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин и др., могли существовать острые противоречия, связанные с соперничеством за политическое лидерство, но они никогда не переставали быть приверженцами идеи мировой революции, идеи мировой коммуны.

Разумеется, корни «коммуноглобализма» уходят, по крайней мере, в XIX век, когда основоположники «научного социализма» К. Маркс и Ф. Энгельс создавали «Манифест коммунистической партии», где был провозглашен принцип «die Arbeiter haben kein Vaterland» — «Рабочие не имеют Отечества»¹², логическим следствием которого стал

их широко известный призыв «Proletarier aller Länder vereinigt euch!» — «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Не только четыре интернационала и теория перманентной революции, но даже и внешнеполитическая доктрина Л. И. Брежнева с ее принципом «защита социализма — высший интернациональный долг» явились закономерным результатом эволюционного развития этой исходной марксистской идеи как во времени, так и в пространстве.

Разумеется, до начала 30-х годов прошлого века идеология «коммуноглобализма» предлагала человечеству самые радикальные способы не только всемирной социальной, но и культурной унификации. «Возьмем языки, — писал тесть Н. И. Бухарина Ю. Ларин (М. З. Лурье), — у нас учат немецкий, французский и английский. Что если вместо этого ввести один эсперанто? Если начальная и средняя школа в СССР будут знать один только международный язык, эсперантский, то это будет серьезным толчком для постановки обучения ему в школах иностранных государств. Как почти во всем, и здесь надо вести активную политику — за расширение знания одного международного языка вместо изучения многих одновременно. Многоязычие будет доступно теперь лишь «избранному меньшинству»...»¹³. Не менее решительно тот же деятель большевистской партии предлагал обойтись и с историческим знанием, которое, как тогда казалось многим его соратникам по революционной борьбе, мешает формированию Нового человека.

«Нам пора перейти к ознакомлению с историей человека большим мазком: докаменный человек, человек каменной техники, век металла — и современность, — говорится в ларинской брошюре «Интеллигенция и Советы». — За пределами обязательного изу-

¹¹ Маяковский В. В. Товарищу Нетте — пароходу и человеку // Сочинения в одном томе. М., 1940, с. 115.

¹² Marx K., Engels F. Manifest der kommunistischen Partei. // Ausgewählte Werke in sechs Bänden. Bd. I, Dietz Verlag Berlin, 1974, S. 435. Русский перевод: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения. Изд. 2-е, т. 4, М., ГИПЛ, 1955, с. 444.

¹³ Ларин Ю. Интеллигенция и Советы. М., 1924, с. 84-86.

чения останутся Юлий Цезарь, крестовые походы, Наполеон и т. п. Поставить дело так — значит вместе с тем создать широкую возможность для приспособления к выполнению этих функций (в данном случае преподавание истории в средней школе) социально близких нам элементов (в данном случае низкой интеллигенции, которой все равно приходится знакомиться с „первобытной культурой“ и с историей современности, — начиная с политграмоты, — но которую не переделывать в средне-интеллигентское жречество, обладающее сведениями о Ромуле и Реме, короле Людовике XVI и королеве Марии Антуанетте, Лютере и Вашингтоне)»¹⁴.

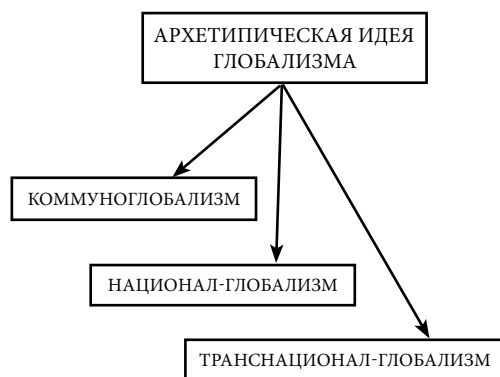
Борьба с исторической памятью в Советском Союзе, находившая наиболее яростное выражение в безжалостном уничтожении архитектурного достояния страны, особенно последовательно велась по 1933 год. Лишь приход к власти в Германии (посредством демократических выборов) А. Гитлера наглядно продемонстрировал высшему политическому руководству СССР, какую грозную силу может представлять национально-патриотическое чувство. Постановление ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» явилось оперативным ответом коммуноглобалистов на приход к власти национал-глобалистов. Но сам этот ответ, по сути дела, уже означал начало процесса конвергенции идей, который завершился в годы Великой Отечественной войны ликвидацией Коминтерна и принятием нового государственного гимна СССР.

История взаимовлияний коммунистической и национал-социалистической идеологии могла бы стать предметом обширного научного исследования, но для политического психолога уже сейчас очевидно, что процесс идейной конвергенции на психологическом уровне облегчался близостью неких архетипических оснований. Собственно говоря, архетипичность глобалистской идеи является не только ее сильнейшей стороной,

но и ее величайшей слабостью, ибо желания властвовать над миром возникают обычно одновременно в разных частях нашей планеты. Достаточно было заявить о своих претензиях на мировое господство Коммунистическому интернационалу, как ответной реакцией стала победа национал-социалистов в Германии. И точно так же притязания современных глобалистов не только породили мощное антиглобалистское движение в странах Запада, но и дали сильнейший толчок исламскому фундаментализму с его установками на создание нового Халифата.

Опыт прошедшего XX века позволяет нам предложить следующую классификацию глобалистических тенденций:

Термин **транснационал-глобализм** предлагается нами не столько для обозначения собственно американской глобалистической



кой государственной доктрины, сколько для характеристики тенденций к устранению реальных противоречий между интересами транснациональных корпораций (ТНК) и национально-государственной формой организации мирового сообщества в пользу ТНК. Ведь нельзя исключить, что уже сейчас сами национально-государственные интересы Соединенных Штатов Америки могут не соответствовать долгосрочным интересам транснациональных корпораций. Во всяком случае, один из лидеров политического ислама, председа-

¹⁴ Ларин Ю. Интеллигенция и Советы. М., 1924, с. 84-86.

тель Исламского комитета России Гейдар Джемаль не устает подчеркивать, что осуществленная 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне террористическая акция «... готовилась на территории США несколько лет. Прикрытие этой операции осуществляли люди из высшего руководства американских спецслужб и высшего руководства американского государства. Цель провокации состояла в том, чтобы изменить сложившуюся систему управления планетой, предложить человечеству „новый мировой порядок“ — фашистский по своей сути — через легализацию мирового правительства»¹⁵.

Разумеется, существуют и менее жесткие формулировки сходных взглядов. Так, известный философ, социолог и писатель А. Зиновьев в беседе с обозревателем «Правды» В. Кожемяко заявил: «Я утверждаю, что если эти террористические акты не были специально спровоцированы правящими силами США, то оказались в высшей степени удобными для них. Дали возможность, оправдание в глазах всего мира ... развязать новый этап Третьей Мировой войны. И у меня такое твердое мнение: если сами не готовили специально эти акты, то, во всяком случае, не помешали, чтобы они совершились»¹⁶.

По сути дела, расхождение в позициях Г. Джемалья и А. Зиновьева сводится лишь к вопросу о том, кому американская трагедия была в большей степени выгодна — Соединенным Штатам Америки как мировой державе или же закулискому Мировому правительству ТНК, в существовании которого до самого последнего времени было как-то модно сомневаться.

Однако на сегодняшний день уже трудно

отрицать факт существования новой международной бюрократии, обслуживающей интересы ТНК. Эта бюрократия не связана с национальными правительствами, с национальными электоратами стран, в которых она формально пребывает. Эта бюрократия получает свои должности вне зависимости от стандартных демократических процедур, без контроля со стороны гражданского общества. Естественно, этот особый слой, выпестованный транснациональными корпорациями в послевоенное время, и составляет реальный аппарат мирового закулисного правительства.

Подобно тому, как в 30–40-е годы коммуноглобализм испытал сильнейшее воздействие национал-глобализма (ведь, согласно восточной мудрости, самые крепкие объятия — это объятия борьбы), послесталинский период ознаменовался влиянием транснационал-глобализма на советскую партийно-государственную элиту. Сам И. В. Сталин предвидел начало этого процесса. Об этом в своей книге «Хрущевцы» вспоминает Энвер Ходжа и воспроизводит слова вождя, обращенные к «соратникам» по Центральному Комитету партии: «После меня вы продадите Советский Союз»¹⁷. Сходная сталинская мысль, высказанная членам Политбюро, отражена и в секретном докладе Н. С. Хрущева к XX Съезду КПСС: «Вы слепцы, котятка, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов»¹⁸.

Вполне закономерно, что и такой выдающийся знаток современных российских элит, как Г. С. Водолеев, на протяжении ряда лет возглавлявший Управление по борьбе с экономическими преступлениями по Санкт-Петербургу и Ленинградской

¹⁵ «Правда»? № 129 (28302) от 15.11.2001, с. 3.

¹⁶ «Правда», № 128 (28301) от 13–14 ноября 2001 г., с. 3.

¹⁷ Ходжа Э. Хрущевцы. Воспоминания. Ч. 1, Тирана, 1984, с. 11.

¹⁸ Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 г. // Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. Лениздат, 1989, с. 88–89.

области, характеризуя советскую номенклатуру 60–80-х годов, пишет: «После смерти И. В. Сталина элита начала жить для себя, а не для страны и общества. Блат, кумовство, торговля полномочиями и должностями за несколько десятилетий полностью переменили социальную природу властимущих»¹⁹. «Принцип получения благ по потребностям, — говорит тот же автор, — в 60-е годы стал нормой жизни высшего политического управленческого слоя вне зависимости от общего скромного уровня благосостояния населения. Привычка к обеспеченной жизни сблизила мировоззренческие позиции советской и западной элит. Роскошный образ жизни стал реальным и весьма желательным для советской номенклатуры. Это и определило ее выбор»²⁰.

Действительно, в СССР со второй половины 80-х годов XX века возобладало стремление первых должностных лиц предприятий, учреждений, организаций во всех без исключения союзных республиках сделать казенное своим. К этому времени партхозактив уже превратился из безотказных сталинских «винтиков» государственной машины в относительно самостоятельных хрущевско-брежневских управленцев государственным имуществом. Разумеется, это имущество было вверено им лишь на правах управления, но внезапно открывшаяся возможность распоряжаться частью общенационального достояния, в том числе и в угоду личным, своекорыстным интересам, сначала породила у многих членов партхозактива осознание себя неполным собственником, а затем естественное стремление стать собственником полным. Идеологическая же экспансия транснационал-глобализма психологически облегчала задачу поэтапной приватизации казенного имущества, которое становилось своим сперва наполовину, а затем уже цели-

ком. Достаточно напомнить, что социологическое исследование, проведенное к началу 1990 года, выявило, что почти 70 % опрошенных руководителей предприятий желали уже тогда связать свою судьбу с «капиталистическими производственными отношениями», а 11% из них «созрели» для того, чтобы «открыть свое собственное дело» («Рабочая трибуна» от 13.01.1990). Но сами эти стремления, обнаруженные опросами социологов, в ту пору формально-юридически еще находились в непримиримом противоречии с УК РСФСР. Именно влечение присваивать, то есть «приватизировать» государственную собственность и породило первую волну криминализации российского общества в условиях нового этапа борьбы за глобализацию.

Разумеется, за первой волной криминализации не могла не последовать и **вторая ее волна**, связанная с подключением к процессу присвоения казенного тех, кто еще в советское время отличился на ниве хищения социалистической собственности. Возникавшие тогда мафиозные структуры следует, прежде всего, рассматривать не как уголовные, а как производственные организации даже в тех случаях, когда их активными членами были «воры в законе». Рождающаяся в лоне бывших государственных производственных предприятий новая российская мафия была в первую очередь нацелена на сокрушение государственности, и в этом ее интересы совпадали с интересами транснационал-глобалистов. Эта мафия подобно раковой опухоли внедрялась в государственные структуры лучше любых «агентов глобализма», пожирая государственность изнутри.

Третья волна криминализации нашей страны может быть названа подлинно демократической и связана с принятием широкими массами рядовых граждан той

¹⁹ Водолеев Г. С. Выморочные циклы России. Сб. статей. (Без указания места и года издания). (СПб., 2001), с. 38.

²⁰ Там же, с. 7.

парадигмы криминального поведения, которая была навязана российскому обществу как партийно-хозяйственным активом, так и уголовными авторитетами. В результате в нашей стране утвердился способ хозяйствования, столь же мало похожий на западно-европейский или американский капитализм, как и на общество «развитого социализма» времен Л. И. Брежнева.

По сути дела, речь идет о формировании еще неведомого миру способа производства, который точнее всего было бы обозначить криминально-мафиозным. Основанием для такого обозначения является не только замкнутый четырехчастный производственный цикл, связанный с криминальным приобретением сырья, криминальным наймом рабочей силы, криминальной эксплуатацией работающих и криминальной реализацией конечного продукта. Не менее важным является и то обстоятельство, что структурными единицами нового хозяйственного сообщества становятся «семьи» сицилианского типа.

Интенсивный вывоз капиталов за рубеж России означал небывалое инвестирование американской и западно-европейской экономики. В этих условиях российские элиты, руководствуясь формальной логикой, надеялись занять достойное место в новом глобальном мире. Однако первый месяц нового тысячелетия показал, что возможен также альтернативный сценарий.

В январе 2001 года наиболее яркими событиями для многих граждан нашей страны стали арест и заключение Госсекретаря Совета Союза России и Белоруссии П. П. Бородина, приглашенного на инаугурацию Президента США. Тогда-то финансовая и политическая элита осознала, что глобализация панамериканского толка сопряжена со многими рисками, ибо Запад, вполне возможно, и не станет создавать безопасные лежбища (этакие глобалистические «блат-хаты») даже для «флагманов российского бизнеса». И это при том, что они инвестировали миллионы долларов в экономику «цивилизованных стран». Становилось понятно, что Запад готов идти по традиционному пути присвоения капиталов, вывезенных из России²¹. И невольно вспоминалась печальная судьба А. Д. Меншикова²² и Николая II, доверивших невероятные сокровища западным банкам.

Действительно, в современных условиях транснационал-глобализм легко может пойти по пути приватизации всех российских капиталов на том основании, что они являются капиталами криминальными²³. И это — реальная основа для формирования дополнительных психолого-политических предпосылок укоренения в русском обществе идеи контрглобализации.

Однако эти дополнительные (и, в сущности, конъюнктурные) предпосылки не должны рассматриваться в качестве фун-

²¹ Вассоевич А. Л. Юбилейное сознание русских и магия чисел // «Вестник политической психологии», № 1, 2001, с. 19.

²² «Меньшиков, — пишет И. Я. Фроянов, — алчным своим нутром чувствовал „всю непрочность института частной собственности в России“ и потому вывозил наворованные деньги за границу. Он поместил в лондонский и амстердамский банки 9 млн. руб., а также на 1 млн. руб. бриллиантов и разных драгоценностей. (См. Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992, с. 118). Богатства по тем временам сказочные». — Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (Глядя из настоящего). СПб., Изд-во СПбГУ, 1997, с. 108.

²³ Юридическим основанием для такой экспроприации, к примеру, может стать американский закон от 1995 г., позволяющий родственникам жертв терроризма подавать в суд на иностранные правительства. Сегодня пособником «Аль-Каиды» и разгромленного «Талибана» уже объявлен бизнесмен из России Виктор Бут, с помощью которого, по сообщению газеты «Вашингтон пост», эти террористические силы перевели свой «золотой запас» из Пакистана в Судан.

даментальных психологических оснований контрглобализации. Более весомым является усиливающееся противоречие между интересами транснациональных корпораций и национально-государственной формой политической организации общества, к которой привыкли миллиарды людей. Но и это не главное.

Как уже было сказано, идея глобализации архетипична, а потому всюду, где возникают центры экономической и политической силы, стремление управлять всем миром (то есть четырьмя сторонами света) неизбежно находит своих сторонников. На сегодняшний день человеческий, экономический и военно-технический потенциал Китайской Народной Республики создает благоприятные предпосылки для формирования нового (альтернативного) Мирового правительства, которым легко может стать Политбюро ЦК КПК²⁴. Теоретически на это может претендовать и исламский мир (в случае возобладания в нем интеграционных тенденций). Но главное препятствие для всех нынешних и будущих глобалистов,

с психологической точки зрения, конечно же, заключается в том, что для создания суперэтнуса глобального человечества это «единое» человечество должно быть противопоставлено окружающему миру, и пока это возможно лишь в научно-фантастических романах, повествующих о пришествии инопланетян.

«ЭТНОС,— пишет А. М. Зимичев,— это любое объединение людей, которые осознают свою общность, то есть могут сказать о себе „МЫ“... Для того, чтобы этнос мог существовать, он должен быть противопоставлен окружающему миру, т. е. „НЕ МЫ“. Иначе говоря, этнос всегда существует там, где есть разделение на „МЫ“ и „НЕ МЫ“»²⁵.

Возможно, какое-то Мировое правительство на непродолжительное время и смогло бы объединить все человечество, но разве лишь для борьбы с самим Мировым правительством.

Мир богат своим разнообразием, как утверждают экологи. И следует ли затрачивать невероятные бесплодные усилия на его унификацию?

²⁴ Водолеев Г. С. Мировое правительство грядет... в составе политбюро ЦК КПК // «Вестник политической психологии», 2001, № 1, с. 30-32,

²⁵ Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., «Санта», 1993, с. 55.



А. Л. Вассоевич

Церковное красноречие и стилистика сталинских выступлений

В основу статьи положен доклад, впервые прочитанный 19 мая 1989 года на конференции по исторической психологии, которую организовал чл.-корр. РАО, профессор В. И. Старцев. Тогда же под названием «К историко-психологическому постижению духовного мира Иосифа Сталина» были напечатаны и тезисы этого доклада: «Историческая психология сталинизма и ее судьба», СПб., «Миневра-2», 1998, с. 9–11. Через пять лет полный текст был опубликован в журнале «Вестник Политической Психологии», № 2 (5) за 2003 год, с. 27–29.

5-го марта 2003 года российские средства массовой информации дружно отметили пятидесятилетие со дня смерти И. В. Сталина. Поток публикаций в электронных и печатных СМИ пошел на убыль лишь накануне Международного женского дня. И что примечательно, даже те издания, которые традиционно принято относить к разряду «демократических», в этом году предпочли привычным обличениям «ужасов культа личности» в хрущевско-горбачевском духе серьезную политическую аналитику. Это означает, что наше общество в очередной раз будет переосмысливать роль Сталина во всемирно-историческом процессе и существенно изменит свое отношение как к нему самому, так и к репрессивной политике, которую он проводил.

Для политпсихологов достоверная информация о восхождении Сталина к вершинам власти всегда будет представлять исключительный интерес. Знания, умения и навыки, накопленные властителем, которого при жизни миллионы людей величали «отцом народов» и «вождем всего прогрес-

сивного человечества», конечно же, являются кладом разнообразнейших политических технологий. Разумеется, при жизни Сталин менее всего стремился к тому, чтобы раскрывать способы своего воздействия на людей. Но способы эти, хотим мы того или нет, могут быть использованы и в будущем. Поэтому особое значение приобретает анализ всех сталинских выступлений с позиций политической психолингвистики.

Как мы неоднократно указывали, политическая психолингвистика изучает взаимосвязь между менталитетом как образом мышления, языком и формами политического поведения человека¹. В рамках настоящей статьи мы попытаемся обратить внимание на стилистический прием, заимствованный И. В. Сталиным из церковного красноречия, который помогал ему успешно воздействовать на людей, находившихся в начальный период их жизни под сильнейшим влиянием православной культурной традиции. А таких людей в России начала XX века все-таки было большинство.

¹ Вассоевич А. Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). СПб., «Алетейя», 1998, с. 72.

Кстати сказать, к их числу относился и сам Сталин, ибо образование, которое он получил, — это духовное образование, и можно не сомневаться, что его особенности существенно повлияли и на всю систему доказательств в сталинских трудах, и на стилистику сталинских выступлений.

Широко известно, что осенью 1888 года Иосиф Джугашвили поступил в Горийское духовное училище². Но если обратиться к такому документу, как «Свидетельство об окончании», которое было выдано И. Джугашвили в 1894 году, оказывается, что в училище он поступил лишь «в сентябре 1890 года». Причина такого расхождения в датах связана с тем, что в Горийском духовном училище преподавание велось на русском языке, «а большинство грузинских мальчиков даже из духовного сословия не знали его или же знали очень плохо, [поэтому — А. В.] при училище был открыт подготовительный класс, главным образом по русскому языку»³. Сосо Джугашвили тоже должен был пройти предварительную подготовку, но он настолько хорошо говорил по-русски, что его сразу приняли в старший подготовительный класс.

По воспоминаниям одноклассника будущего «отца народов», А. Гогебашвили, «в училище... ученики старших классов обязаны были читать в церкви псалмы, часослов, акафисты и другие молитвы. Сосо как лучший чтец пользовался большим вниманием и доверием в училище, и ему было поручено обучать нас чтению псалмов, и только после пройденной с ним тренировки нам разрешали читать в церкви. Сосо считался главным клириком, а на торжественных молебнах главным певчим и чтецом»⁴.

После окончания Горийского духовного училища Иосиф Джугашвили 22 августа

та 1894 года подает заявление о допуске к вступительным экзаменам в Тифлисскую семинарию. В течение нескольких дней он сдает восемь предметов, и 2-го сентября его зачисляют «на общих основаниях». По свидетельству Доментия Гогохия, «жизнь в Духовной семинарии протекала однообразно и монотонно. Вставали мы в семь часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс. Дежурный ученик читал молитву „Царю небесному“ и занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа — обед. В пять часов вечера — переключка, после которой выходить на улицу запрещалось. Мы чувствовали себя как в каменном мешке. Нас снова водили на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам готовить уроки, а в десять часов — по койкам, спать»⁵.

С психологической точки зрения, некоторая раздражительность, прорывающаяся в этих воспоминаниях бывшего грузинского «бурсака», вполне понятна. Далеко не всегда горячий кавказский темперамент примирялся со строгостью семинарской системы обучения. Но именно эта система из века в век давала семинаристам точные знания богослужебных текстов, обучала их навыкам говорить от Писания и проповедовать в храме.

Среди лучших образцов церковной риторики, на которых уже не одно столетие воспитываются будущие православные священнослужители, заслуженное первенство принадлежит творениям святого Иоанна, епископа Константинопольского, прозванного Златоустом. В годы учения каждую Пасхальную ночь молодой Сталин в конце Пасхальной Заутрени внимал в храме Огласительному слову святителя, как внимают

² Белادي Л., Краус Т. Сталин. Пер. с венг. М.: Политиздат, 1990, с. 15–22.

³ Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб.: «Издательский дом „Нева“», М.: Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002, с. 97.

⁴ Цит. по указанной выше книге А. В. Островского, с. 102.

⁵ Цит. по указанной выше книге А. В. Островского, с. 111.

ему уже более полутора тысяч лет молящихся в этот день:

Εἴ τις εὐσεβῆς καὶ φιλόθεος, ἀπολαύετω τῆς καλῆς ταύτης πανηγύρεως· εἴ τις δοῦλος εὐγνώμων, εἰσελθέτω χαίρων εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτοῦ· εἴ τις ἔκαμε νηστεύων, ἀπολαβέτω νῦν τὸ δηνάριον.

«Кто благочестив и боголюбив, — тот пусть насладится этим великолепным торжеством.

Кто раб благоразумный, — тот пусть с радостью войдет в радость Господа своего. Кто потрудился, постясь, — тот пусть возьмет ныне динарий».

Εἴ τις повторяется в начале Огласительного слова далее еще пять раз, т. е. святитель Иоанн Златоуст прибегает к самой сильной по психологическому воздействию риторической фигуре — многократному повторению. Подобный прием используется и в конце Огласительного слова:

Ποῦ σου, θάνατε, τὸ κέντρον; ποῦ σου, ἄδη, τὸ νίκος; Ἄνεστη Χριστὸς, καὶ σὺ καταβέβλησαι ἄνεστη Χριστὸς, καὶ πεπτόκασι δαίμονες ἄνεστη Χριστὸς, καὶ χαίρουσιν ἄγγελοι ἄνεστη Χριστὸς, καὶ νεκρὸς οὐδεὶς ἐπὶ μνήματος. Χριστὸς γὰρ ἐγερθεὶς ἐκ νεκρῶν, ἀπαρχὴ τῶν κεκοιμημένων ἐγένετο.

αὐτῷ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

«Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? Христос воскрес — и ты низложился. Христос воскрес — и пали демоны. Христос воскрес — и радуются ангелы. Воскрес Христос — мертвого ни одного нет во гробе, ибо воскресший из мертвых Христос стал Первенцем из умерших.

Ему слава и держава во веки веков. Аминь».

Риторический прием многократного повторения нескольких ключевых словосочетаний (столь характерный для лучших образцов церковного красноречия) был взят на вооружение воспитанником Горийского

духовного училища и Тифлисской Духовной семинарии И. В. Сталиным при подготовке своих политических выступлений. Это объясняется не только тем, что навыки, полученные на уроках по составлению церковных проповедей, просто хорошо закрепились в его памяти. Великий революционер прекрасно осознавал сильнейшее психологическое воздействие излюбленной им риторической фигуры. Вспомним хотя бы речь Сталина по поводу смерти Ленина на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года:

«Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдерживать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия „ленинцев“, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса».

Далее в речи Сталина следовали два предложения, которые при напечатании речи набирались большими буквами: **«УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ДЕРЖАТЬ ВЫСОКО И ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!»**⁶.

По образцу этих двух предложений (после краткого рассказа о том, как товарищ Ленин 25 лет пестовал партию большевиков, как единством и сплоченностью добилась она победы) строились еще два сходных

⁶ Сталин И. В. По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г. // Сочинения, т. 6. М.: ГИПЛ. 1954, с. 46.

по структуре предложения: «УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ ЕДИНСТВО ПАРТИИ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!»⁷.

Слова клятвы сменялись рассказом о том, как испокон веков мучительно тяжелы были страдания трудящихся, и напоминанием о том, что только в нашей стране угнетенным и задавленным массам трудящихся удалось сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов, поставив на его место господство рабочих и крестьян. После этого вновь следовали очередная ленинская заповедь и сталинская клятва: «УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ И УКРЕПИТЬ ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПОЩАДИМ СВОИХ СИЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!»⁸.

И такого рода конструкции были употреблены в речи еще 3 раза.

Нет необходимости говорить о том, что рассматриваемый нами риторический прием использовался И. В. Сталиным не только в речи на II Всесоюзном съезде Советов. Шестнадцатитомное на сегодняшний день собрание его сочинений убеждает читателя в том, что излюбленному приему И. В. Сталин оставался верен вплоть до последних лет жизни.

В некоторых случаях для нанесения психологического ущерба политическому

противнику Сталин довольствовался лишь двоекратным повторением ключевого словосочетания. Так, выступая 23 октября 1927 года на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), Генеральный секретарь партии, чередуя две выдержки из противоречивых писаний Л. Д. Троцкого 1913 и 1925 годов с такими самоуничижениями, как «да что Сталин, Сталин — человек маленький», он лишь «один из многих учеников Ленина», вдруг позволяет себе такие гневливые и резкие слова: «На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК „скрывают“ „завещание“ Ленина? Блудить языком можно, но надо же знать меру»⁹. И этим двоекратным повторением словосочетания «блудить языком» сознательно наносит определенную психологическую травму своему главному политическому противнику, Л. Д. Троцкому¹⁰.

Но не только в период борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией И. В. Сталин использовал свой излюбленный риторический прием. 17 ноября 1935 года, когда основные силы оппозиционеров уже были разгромлены, И. В. Сталин, произнося речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев, вновь по нескольку раз повторял самые значимые в политическом отношении слова:

«Стахановское движение нельзя рассматривать как обычное движение рабочих и работниц. Стахановское движение — это такое движение рабочих и работниц, кото-

⁷ Сталин И. В. Указ. соч, с. 47.

⁸ Сталин И. В. Указ. соч, с. 48.

⁹ Сталин И. В. Сочинения. Том 10. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1949, с. 175.

¹⁰ Общеизвестно, что И. В. Сталин всегда стремился располагать самой подробной и достоверной информацией даже о сугубо интимной жизни своих врагов. В этом отношении некоторые сексуальные предпочтения Л. Д. Бронштейна (Троцкого) дали хороший повод для риторических импровизаций не только самому Сталину в 1927 году, но и — через десятилетие — советскому поэту Владимиру Луговскому: «Будь ты проклят, выродок блудливый, осло-мексиканский бонапарт!» (сказано о Троцком). Подробнее об этой стороне жизни Троцкого можно узнать, ознакомившись с его письмом к Н. Седовой, опубликованным в книге Б. С. Иллизарова «Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма». (М.: «Вече», 2002).

рое войдет в историю нашего социалистического строительства как одна из самых славных ее страниц.

В чем состоит значение стахановского движения?

Прежде всего, в том, что оно выражает новый подъем социалистического соревнования, новый, высший этап социалистического соревнования. Почему новый, почему высший? Потому что оно, стахановское движение, выгодно отличается как выражение социалистического соревнования от старого этапа социалистического соревнования. В прошлом, три года тому назад, в период первого этапа социалистического соревнования, социалистическое соревнование не обязательно было связано с новой техникой. Да у нас, собственно, и не было почти новой техники. Нынешний же этап социалистического соревнования — стахановское движение, наоборот, обязательно связан с

новой техникой. Стахановское движение было бы немисливо без новой высшей техники»¹¹.

По прошествии пяти десятилетий со дня смерти «отца народов», задумываясь над истоками, прежде всего, психологических побед, которые И. В. Сталин всякий раз одерживал над деятелями троцкистской оппозиции, нельзя сбрасывать со счетов и того, что бурливое и цветастое революционное словоблудие Льва Троцкого, в конечном счете, оказывалось менее эффективным, чем сталинская риторическая манера многократных повторов¹². Заимствованная из церковного красноречия и обращенная к населению страны, которая еще недавно была православной, эта манера оказывалась более близкой и понятной также для большинства вышедших из простонародья членов большевистской партии.

¹¹ Сталин И. В. Сочинения. Том 14. М.: Изд-во «Писатель», 1997, с. 79.

¹² Сталинская риторическая манера многократных повторов была, хоть и робко, воспринята его окружением. Сошлюсь в качестве примера хотя бы на знаменитую речь Лаврентия Павловича Берии на траурном митинге на Красной площади 9 марта 1953 года:

«Кто не слеп, тот видит, что наша партия в трудные для нее дни еще теснее смыкает свои ряды, что она едина и непоколебима.

Кто не слеп, тот видит, что в эти скорбные дни все народы Советского Союза в братском единении с великим русским народом еще теснее сплотились вокруг Советского Правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии». — Ленинградская Правда, № 59 (11550), вторник, 10 марта 1953 г., с. 2.

Но, конечно же, с точки зрения сталинской риторики, «кто не слеп, тот видит» следовало повторить по крайней мере еще пару раз.



А. Л. Вассоевич

Информационные войны

К истории становления приемов психологического воздействия

Статья представляет из себя заключительную главу коллективной монографии «Россия. Планетарные процессы», которая была опубликована издательством Санкт-Петербургского Университета в 2002 году (с. 717–751).

Всякая психологическая война есть война информационная, ибо психологические качества информации способны влиять не только на психические процессы и состояния, но и на психические свойства людей. Коль скоро в социо-биологическом смысле информация — это сведения об окружающем мире¹, используемые функционирующим организмом как осознанно, так и подсознательно, невозможно очертить области человеческой психики, которые не были бы подвержены информационному воздействию.

Подобно тому, как человек ориентируется в окружающем его пространстве, он самоопределяется и в своем внутреннем мире, в мире психических явлений. Но этот внутренний мир часто видоизменяется под воздействием внешних информационных факторов. И если мы ставим перед собою цель принципиально изменить внутреннее содержание человека, мы начинаем оказывать на него интенсивное информационное воздействие, то есть встаем на путь информационной войны.

О значении слова «информация»

Само слово «информация», широко распространенное в современном русском языке, латинского происхождения, где восходит к глаголу *in-formare* «образовывать, изображать, представлять». Таким образом, на латыни *informatio* — прежде всего «представление», например, у Цицерона (*De natura deorum*, I, 36, 100) мы читаем: «*Habebam, inquis, in animo insitam informationem quandam dei et barbatim quidem Iovis geletae Minervae. Num igitur esse tales putas*» («Я имел, говоришь ты, в душе некое представление о боге и о бородатом Юпитере и о Минерве в шлеме. Значит, ты их такими и считаешь»). Или другой пример из того же сочинения (*De natura deorum*, I, 16, 43): «*Quae est enim gens, aut quod genus hominum, quod non habeat sine doctrina anticipationem quandam deorum? quam appellat πρόληψιν Epicurus, id est anteceptam animo rei quandam informationem, sine qua nec intelligi quicquam, nec quaeri nec disputari possit*» («Есть ли такое племя или такой род людей, который без

¹ Для сравнения: «...информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему наших органов чувств», (См.: Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.).

всякого обучения не имел некоего предпонятия о богах — того, что Эпикур называет *πρόληψις*, то есть некоего предвосхищенного душою представления о вещи, без которого никому невозможно ни понять, ни исследовать, ни рассудить»).

В русский язык, согласно «Этимологическому словарю...» Макса Фасмера, слово «информация» входит со времен Петра Великого через польское *informatja*. Самое раннее употребление заимствованного слова относится к 1702 году: «Сотник Алексей Туранской явился в его, великого государя, поход у Шлотбурка... и объявил данную ему **информацию**, по которой велено ему донести великому государю словесно» (ПБП II, 194)². Этот и другие примеры словоупотребления, заимствованные из «Словаря русского языка XVIII века», убеждают, что в петровское время «информация» означала «уведомление, извещение, донесение». Однако, в отличие от столь алчной до иностранных заимствований эпохи петровских реформ, в последующие десятилетия XVIII века, а также на протяжении всего XIX века слово «информация» используется не слишком часто, а потому в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля его просто нет. Зато мы обнаруживаем его в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», составленном под редакцией А. Н. Чудинова и многократно переиздававшемся в начале XX века. Там мы читаем: «**Информация** (ново-лат. этим. предыдущее слово) — учение, наставление, просьба, указание, справка». Предыдущее же слово, к которому отсылает нас А. Н. Чудинов, — «**Информатор** (ново-лат. от лат. *informare*) — домашний учитель». И это значение, конечно же, изумляет тех, кто

давно привык к тому, что информатор — это осведомитель (чаще всего осведомитель спецслужб)³.

В советское время в русском языке в качестве синонима иностранного слова «информация» долгое время использовался не совсем удачный отечественный эквивалент — «сообщение». Неудачный хотя бы уже потому, что он часто употреблялся в сочетании с прилагательным «информационный». Например: «*Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета КПСС*», то есть в буквальном смысле «сообщенное сообщение о Пленуме...». И хотя в годы Великой Отечественной войны от Советского Информбюро, естественно, передавались сообщения, но служили они формированию необходимых представлений о характере военных действий. Стоит ли удивляться, что еще в 1953 году для составителей советского «Энциклопедического словаря» информация — это «сообщение, осведомление о чем-либо». Выпущенный в том же году под общей редакцией академика С. П. Обнорского «Словарь русского языка» С. И. Ожегова подтверждает синонимичность слов «информация» и «сообщение».

Лишь после политической реабилитации такой «буржуазной лженауки», как кибернетика, термин «информация» начинает использоваться для обозначения количественной меры устранения неопределенности (энтропии), для обозначения меры организации системы. В научно-технической среде возникает мнение, что информация — это физическая величина, такая же, как, например, энергия или скорость, что в определенных условиях она равным образом описывает процессы, происходящие как в естественных физических системах, так и в системах, искусственно созданных.

² Словарь русского языка XVIII века. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 9. СПб.: «Наука», 1997, с. 108.

³ В России, начиная с 30-х годов XVIII столетия, заимствованное через немецкое посредство слово «информатор» означало, прежде всего, «учитель, наставник». Например: «*Сим языкам обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикою, но показывать и грамматические правила*» (Лом. АСС IX, 451). См.: Словарь русского языка XVIII века. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 9. СПб.: «Наука», 1997, с. 108.

Однако советская философская наука даже в новых общественно-политических условиях продолжала видеть для себя «реальную опасность возведения кибернетического понятия „информация“ в ранг философской категории, а теории информации — в ранг „всеобщей методологии науки“⁴». «Иными словами говоря, — писал встревоженный философ Н. И. Жуков в 1987 году, — в силу особенностей языка понятие „информация“ выступает как свойство всей материи, хотя им и не является». И далее: «Следует отметить, что расширительное толкование информации как всякого разнообразия, различия, структуры (Й. Земан, Р. Эшби, А. Д. Урсул) чревато опасностью возведения этого понятия в ранг философской категории, что является примерно таким же насилием, какое допускается при „укладывании“ природы в прокрустово ложе сформулированных человеком на данном этапе развития законов науки, знаний вообще. Объявить информацию атрибутивным свойством материи — все равно что считать вкус и подобные качества, присущие вещи, совершенно не зависящими от органов чувств субъекта»⁵. Однако современная политическая психология, уделяя все большее внимание теоретическим аспектам применения разнообразных информационных технологий, сегодня как никогда нуждается в приемлемом для нее определении самого понятия «информация», семантическое поле которого чрезвычайно расширилось и давно не вмещается в узкие смысловые рамки существительного «сообщение». Сегодня, пишет Д. Ф. Мезенцев, «средства массовой информации дают, как правило, не чисто информационные материалы — конкретные факты, цифры,

тексты тех или иных заявлений. Скорее, они порождают то, что можно было бы назвать информационными конструкциями»⁶. В приведенных словах, несомненно, скрыта исследовательская неудовлетворенность тем смысловым наполнением, которое было характерно при общеупотребительном использовании слов «информация» и «информационный» в нашей стране. И именно она заставила Д. Ф. Мезенцева ввести в обиход отечественной политической психологии понятие **информационной конструкции** (от латинского informatio «представление» + constructio «построение», то есть «построение представлений») для обозначения совокупности элементов информации, определенным образом соотношенной с заданной социальной и политической установкой.

Любопытно, что в качестве мезенцевских информационных конструкций можно рассматривать и теоретические построения отечественных ученых, связанные с понятием информации.

Действительно, цепи ассоциаций, возникшие в XX веке вокруг латинского слова с исходным значением «представление», были столь многообразны, что, наконец, породили в ученой среде убежденность: существуют, по меньшей мере, четыре типа информации.

Во-первых, **связанная информация**, то есть целесообразно упорядоченная структура кибернетической схемы на всех уровнях ее структурной организации, память в широком смысле слова.

Во-вторых, **свободная информация**, то есть целесообразно упорядоченная пространственно-временная структура взаимодействий, или «сведения» об отражаемом (именуемая *относительной* информацией), и вместе с

⁴ Автор ссылается на: Бриллиант Л. Научная неопределенность и информация. — М., 1966, с. 12.

⁵ Жуков Н. И. Проблема сознания. Философский и специально-научный аспекты. Минск, Изд-во «Университетское», 1987, с. 137.

⁶ Мезенцев Д. Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // «Вестник политической психологии», №1(2) СПб., 2002, с. 29.

тем та социальная информация, которая содержится в предметах духовной культуры.

В-третьих, **актуальная информация**, или **информационный процесс**, сходный с сознанием, но ему не тождественный, функциональное свойство кибернетических систем, или единство вовлеченных в процесс управления *связанной и относительной информации* (разрываемое лишь мысленно).

Наконец, **потенциальная**, застывшая, или «мертвая» информация, выработанная кибернетической системой, но пребывающая в покое, информация зафиксированная. Относится сюда связанная информация незадействованных технических устройств и других предметов материальной культуры, а также закодированная в знаках свободная информация, точнее вся созданная человеком духовная культура, социальная память общества, *«внеличностная форма существования информации»*⁷.

И как тут не вспомнить уже приводившиеся выше слова Цицерона **«Num igitur esse tales putas»** (*«Значит, ты их такими и считаешь»*). В этом нет ничего удивительного. Ведь *«мышление, — как справедливо замечал великий русский физиолог И. П. Павлов, — до известного пункта ничего другого не представляет, как ассоциации, сначала элементарные, стоящие в связи с внешними предметами, а потом цепи ассоциаций»*⁸.

Основная проблема для тех отечественных мыслителей, которые страшились *«опасности возведения»* интересующего нас понятия *«в ранг философской категории»*, безусловно, заключалась в том, что информация выступает как свойство объектов и явлений порождать многообразие состояний, и при этом не только психических. Эти состояния посредством отражения передаются от одного объекта к другому, запечатлеваясь в структуре объекта. Но ведь при отсутствии отражения могут и не передаваться. А это означает лишь то, что

мы должны различать **информацию в себе** и **информацию для нас**. Информация для нас — это наше знание об объекте или процессе. Информация в себе — это реальное содержание объекта или процесса.

Согласно известному постулату В. А. Ганзена, любая цельная реальность наблюдаемого мира необходимо интегрирует в себе временные, пространственные, информационные и энергетические характеристики. Думается, что те информационные характеристики, о которых говорил выдающийся советский психолог, исходя из нашей вышеизложенной позиции, конечно же, являются **информацией для нас**, в то время как **информация в себе** тождественна самой реальности (вне зависимости от того, наблюдается она кем-то или нет).

Приемы информационно-психологического воздействия в исторической практике

Всякое знание — сила, но знание о противнике — сила вдвойне. Эта нехитрая истина стала понятна человечеству со времен глубочайшей древности. До нас, к примеру, дошли разведывательные донесения, направленные ассирийским царям Тукульти-апал-эшаре III (744–727 гг. до н. э.) и Шарру-кену II (721–705 гг. до н. э.). При этом наследник ассирийского престола царевич Син-аххе-риба, возглавлявший военную разведку, готовил для Шарру-кена II общую сводку разведывательных донесений.

Но не только секретные донесения разведчиков с территорий потенциальных противников и итоговые сводки, составленные на их основе, дошли до нас на клинописных табличках. Для предыстории информационных войн особый интерес представляет изобретение «дезинформационных» глиняных конвертов, внутри которых запечатывали табличку с достоверной информацией. Текст же, начертанный на «дезинформационном»

⁷ Жуков Н. И. Проблема сознания. Философский и специально-научный аспекты. Минск, Изд-во «Университетское», 1987, с. 138–139.

⁸ Павловские среды. — М.; Л., 1949. — Т. 2., с. 585.

конверте, должен был либо успокоить, либо ввести в заблуждение непосвященных. Получатель же, разбив конверт, становился обладателем нужной информации.

Не подлежит сомнению, что в старовавилонский период это хитроумное изобретение было хорошо известно. Об этом, к примеру, достаточно ясно говорит шумерийский текст, повествующий о непростых взаимоотношениях между Ур-забобой, который царствовал в городе Кише предположительно ранее 2316 г. до н. э., и его слугой, военачальником Шаррум-кеном (будущим основателем династии Аккада)⁹. Как и большинство шумерийских литературных текстов, это сказание дошло до нас в копии старовавилонского времени, хотя, по мнению В. К. Афанасьевой, оно вполне могло быть создано где-то во времена царствования Нарам-Суэна (условные годы правления — 2236–2220 до н. э.), то есть примерно через одно-два поколения после смерти легендарного основателя Аккада. В таком случае и изобретение глиняных дезинформационных конвертов уж всяко восходит к годам правления того властителя, который вдруг додумался величать себя Na-ra-am-^dEN. ZU lugal A-ga-dé an-ub-limú-ba («Нарам-Суэн, царь Аккада, царь четырех сторон света»), и тем самым (выражаясь на современный лад) уже оказался едва ли не первым «глобалистом» в истории человечества.

Но обратимся непосредственно к шумерскому тексту¹⁰, повествующему о непростых взаимоотношениях между царем Ур-забобой и Шаррум-кеном:



Транскрипция:

(53) u₄-bi-ta hm-ma ḡub-bu h́é-gál im ḡsi-si¹-ge ba-ra-gál-la-àm

(54) lugal ^dUr-^dza-ba₄-ba₄ m̄ṣar-ru-um-ki-in ḡdingir-re-e¹-ne šu-du₁₁-ga-ar

(55) im-ma gub-bu níg ní ba-ug₇-a-ta

tu-up-pa iš-tù-ur-šu ša šu-mu-ut ra-ma-ni (-[šu]?)

(56) Unu^{ki}-ga Lugal-ža-ge₄-e-si šu ba-ni-ib-tag₄-tag₄

Перевод:

(53) А тогда глину для письма знали, глину для конверта не знали

(54) Царь Ур-забаба Шарру-кену, созданию богов,

(55) Табличку написал ему об умерщвлении его самого

(56) В Урук к Лугальзагеси отправил.

В. К. Афанасьева — первый переводчик на русский язык этого древнего, сильно поврежденного литературного памятника полагала, что «в тексте подчеркнуто то обстоятельство, что покрытия (оболочки) для письма не было, следовательно весть можно было свободно прочесть и даже изменить смысл»¹². Но возможна и совершенно иная гипотеза. Предположим, что столь заинтересовавшее нас хитроумное изобретение появилось где-то во времена правления Ур-забобы в подвластном ему Кише, но при этом в других шумерийских городах-государствах еще не приобрело должной известности. В таком случае допустимо и совершенно иное развитие сюжета: табличка с распоряжением об умерщвлении Шаррум-кена Древнего была спрятана внутри глиняного конверта, в то время как на самом конверте содержалось распоряжение об убийстве «княжьего сына» (см. TRS 73 rev., строка б). Тогда весь драматизм шумерийской легенды заключается в том, что «информационная технология», уже доступная Ур-забобе, царю Урука Лугальзагеси еще не

⁹ Предполагают, что Шаррум-кен Древний правил с 2316 по 2261 г. до н. э.

¹⁰ Cooper J. S., Heimpel W. The Sumerian Sargon Legend. // "Journal of the American Oriental Society", 103.1 (1983).

¹² В. К. Афанасьева. Аккадские правители в шумерском эпосе: Саргон древний // «Вестник древней истории», 1989, № 2, с. 12.

была известна и он казнил не того, кого следовало бы. Но все-таки проще всецело довериться словам 53-ей строчки и считать, что при Лугальзагеси защитного покрытия еще не изобрели и Шаррум-кен смог сам прочесть незащищенную дезинформационным слоем табличку, что и позволило ему избежать смерти¹³. Впрочем, для окончательного заключения необходимо обречение клинописного текста всей шумерийской легенды в неповрежденном виде.

Так или иначе, то старинное шумерийское изобретение, о котором мы осведомлены благодаря тексту, повествующему об интригах Ур-забабы против Шаррум-кена, может в наглядно-образной форме символизировать философскую идею о существовании «*информации в себе*» и «*информации для нас*». При этом не следует думать, что разрушительная функция свойственна только недостоверной или заведомо неполной информации. В грозное информационное оружие, как о том нам свидетельствует Библия, могут превращаться и достоверные сведения.

Мы уже поминали выше ассирийского царевича Син-аххе-риба, возглавлявшего в VIII веке до н. э. службу внешней разведки. Став царем, он, в полном соответствии с традициями ассирийской военной державы, начинает многочисленные завоевательные походы, некоторые из которых даже описываются в библейских книгах (Исайя, Вторая книга царств). Для предыстории информационных войн особое значение имеет рассказ об осаде Иерусалима, во время которой ассирийский военачальник, именуемый *רב־שָׁקָה* *rab-šāqē* (в синодальном переводе Рабсак), начинает при переговорах с Елиакимом, Севной и Иоахом прилюдно оглашать сведения, не предназначенные для рядовых граждан.

Исайя, 36, 4–6:

וַיֹּאמֶר אֱלִיקִים וְשִׁבְנָא וַיֹּאחַז אֶל־רַב־שָׁקָה דְבַר־נָא
אֶל־עַבְדֵיךָ אֲרָמִית כִּי שְׂמַעִים אֲנַחְנוּ וְאֶל־תְּדַבֵּר
אֵלֵינוּ יְהוּדִית בְּאָזְנֵי הָעָם אֲשֶׁר עַל־הַחוּמָה׃ וַיֹּאמֶר רַב־שָׁקָה
הֲאֵל אֲרָמִית וְאֵלֵיךְ שָׁלַחְנִי אֲדֹנָי לְדַבֵּר אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וְהָאֵל
עַל־הָאֲנָשִׁים הַיְשָׁבִים עַל־הַחוּמָה לְאָכֹל אֶת־חֲרָאֵיהֶם וְלִשְׂתּוֹת
אֶת־שִׁנְיֵי הֶם עַמְּכֶם׃

Транскрипция:

wajjōmer 'alēhem rab-šāqe 'imrū-nā 'el-
hizqijjāhū ko-'amar hammelek haggādōl
melek 'aššūr mā habbiṭṭāhōn hazze 'ašer
bātahta⁽⁵⁾ 'āmartī 'ak-d'bar-šeptajim 'eš
a ūg'ebūrā lammilhāmā 'attā 'al-mī bātahta
kī māraḏtā bī⁽⁶⁾ hinnē bātahta 'al-mīš'eneṭ
haqqāne hārašūš hazze 'al-mišrajim 'ašer
jissāmēk 'iš 'ālāw ūbā b'kappō ūn'qābah kēn
par'ō melek-mišrajim l'kol-habbōṭ'hīm 'ālāw.

Синодальный перевод:

«⁽⁴⁾ И сказал им Рабсак: скажите Езекии: так говорит царь великий, царь ассирийский: что за упование, на которое ты уповаешь? ⁽⁵⁾ Я думаю, что это одни пустые слова, а для войны нужен совет и сила: итак, на кого ты уповаешь, что отложился от меня? ⁽⁶⁾ Вот ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто опрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее! Таков фараон, царь египетский, для всех уповающих на него».

Но самое любопытное, пожалуй, заключается в том, как Елиаким, Севна и Иоах реагируют на слова Рабсака (Исайя, 36, 11–12).

וַיֹּאמֶר אֱלִיקִים וְשִׁבְנָא וַיֹּאחַז אֶל־רַב־שָׁקָה דְבַר־נָא
אֶל־עַבְדֵיךָ אֲרָמִית כִּי שְׂמַעִים אֲנַחְנוּ וְאֶל־תְּדַבֵּר
אֵלֵינוּ יְהוּדִית בְּאָזְנֵי הָעָם אֲשֶׁר עַל־הַחוּמָה׃ וַיֹּאמֶר רַב־שָׁקָה
הֲאֵל אֲרָמִית וְאֵלֵיךְ שָׁלַחְנִי אֲדֹנָי לְדַבֵּר אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וְהָאֵל
עַל־הָאֲנָשִׁים הַיְשָׁבִים עַל־הַחוּמָה לְאָכֹל אֶת־חֲרָאֵיהֶם וְלִשְׂתּוֹת
אֶת־שִׁנְיֵי הֶם עַמְּכֶם׃

Транскрипция:

⁽¹¹⁾ wajjōmer 'eljaqīm w'ešebnā w'jō'āh 'el-
rab-šāqē ḏabber-nā 'el-'abādekā 'arāmīt kī

¹³ В. К. Афанасьева по этому поводу пишет: «Фраза, где подчеркивается, что тогда умели делать глиняные таблички, но не умели делать конверты, в которой издатели текста справедливо видят пародийный намек на аналогичную фразу из эпоса о Энмеркаре и владыке Аратты, мне представляется в первую очередь прямым указанием на возможность Саргону самому прочесть табличку и тем самым избежать смерти (ср. стк. 53 эпоса: u₄-bi-ta jn-ma 'gub-bu ḥé-gál¹ 'im si-si²-ge ba-ra-gál-la-ám, u₄-bi-ta inim im-ma geb-ba nu-ub-ta-gál-la)». (Там же, с. 6).

šōm^{ec}īm 'anāhnū w^eal-t^edabbēr 'ēlēnū j^ehūtīd
b^e'īznē hā^cām 'ašer ^cal-haḥōmā

(12) wajjō^rmer rab-šāqē ha'el 'a^dōneqā w^eeleka
š^elaḥanī 'a^dōnī l^edabbēr 'et-hadd^ebārīm hā'ēlle
h^alō' ^cal-hā'nāšīm hajjōš^ebīm ^cal-haḥōmā
le'qīl 'et-ḥōrā'hām w^elištōt 'ēt-šējēnajēhem
'immākem.

Синодальный перевод:

«⁽¹¹⁾ И сказал Елиаким и Севна и Иоах Рабсаку: говори рабам твоим по-арамейски, потому что мы понимаем, а не говори с нами по-иудейски, вслух народа, который на стене.

⁽¹²⁾ И сказал Рабсак: разве только к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать слова сии? Нет, так же и к людям, которые стоят на стене, чтобы есть помет свой и пить мочу свою с вами».

Современная египтологическая наука своими многочисленными исследованиями может подтвердить справедливость сравнения Египта времени XXV (кушитского) царского дома с надломленной тростью¹⁴, которое сделал Рабсак. Таким образом, уполномоченный ассирийского царя боролся с противником оружием правды. Однако история Древнего Мира свидетельствует также и о том, что при решении важных политических задач дезинформационные технологии часто оказывались более успешными, чем слова раздражающей истины.

Известно, сколь немаловажную роль в гибели Юлия Цезаря, упразднившего республиканский строй в Риме, сыграли его честные, но жесткие высказывания о римской республике: «Nihil esse rempublicam, appellationem sine corpore ac specie» («Республика — ничто,

наименование без тела и облика») (Suetonius. De vita duodecim Caesarum, 1, 77). Еще большее раздражение вызывало то обстоятельство, что среди ближайшего окружения Цезаря уже находились охотники именовать его Rex — «Царь». А ведь все это совершалось в ту пору, когда республиканские традиции в Риме были еще сильны. Естественно, что против диктатора, столь смело обнажавшего свои истинные намерения, был составлен заговор, кончившийся его убийством.

Август, без сомнения, извлек урок из гибели своего предшественника. Его режим, вошедший в историю под названием принцепата, уже в полной мере использовал всю мощь политического лицемерия. Осуществленный тогда выброс дезориентирующей информации позволил Августу управлять политической ситуацией. При Августе официальной формулой режима становится *respublica restituta* («восстановленная республика»). Подобно тому, как в памятные нам дни горбачевской перестройки известная формула «Больше демократии — больше социализма» маскировала планы уничтожения социалистической системы, *respublica restituta* прикрывала рождение Римской империи. Иными словами, взяв на вооружение приемлемую для римского общества политическую фразеологию, Август смог добиться того, к чему Цезарь стремился, но чего так и не смог достичь, обнажая свои истинные цели¹⁵.

В ходе своего исторического развития человечество, однако, усвоило не только приемы удачного применения дезориенти-

¹⁴ Zeissl H. von. Äthiopen und Assyrer im Ägypten. Beiträge zur Geschichte der ägyptischen «Spätzeit», Gluckstadt-Hamburg, 1944. S. 46. См. также: Vasojević A. Soziale Gruppen Ägyptens zur Zeit der assyrischen Eroberung. // «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», Bd. 117, Heft 2, Berlin, 1990, S. 171–178. (Переиздание на с. 49–53 настоящего выпуска «Вестника политической психологии»). Русская версия статьи: Васосевич А. Л. Социальные группы Египта в условиях ассирийского завоевания // Социальные группы традиционных обществ Востока. ч. I, М., «Наука», 1985, с. 3–16.

¹⁵ А. И. Юрьев под дезориентирующей информацией предлагает понимать информацию, «неправильно определяющую собственное местонахождение в историческом процессе, экономическом состоянии, отношениях с иными народами и государствами». — Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., Изд-во СПбГУ, 1992, с.107.

рующей информации, когда ее потребители теряли представление о реальных политических процессах, происходящих в обществе. Очень рано сформировались и навыки психологического воздействия посредством дискредитирующей информации. Само латинское по происхождению слово «дискредитация» восходит к глаголу *dis-credo* — «не верю», встречающемуся у Юлия Валерия. Слово содержит приставку *dis-*, означающую разделение, разъединение, расчленение, и глагол *credo* — «верую». Дискредитация, таким образом, есть разуверивание или обезверивание. А потому о дискредитирующей информации правильнее всего говорить, опираясь на примеры из истории религий.

Хорошо известно, что возникновение христианства представляло серьезную опасность и для языческих верований, и для талмудического иудаизма. Немудрено, ведь свою социальную опору новая религия обрела вначале среди тех, кого в среде книжников и фарисеев презрительно именовали עמי הארץ *‘ammē ha’āreš* — «народы земли». Не следует думать, что за этим словосочетанием скрывается присущее талмудистам презрение ко всему человечеству. Нет, термин обозначал иудейское простонародье, которое занималось тяжелым земледельческим трудом. Однако люди труда (עמי הארץ *‘ammē ha’āreš*) отвечали на неприязненное отношение к ним со стороны книжников и фарисеев еще более глубокой ненавистью. Вот что говорит нам по этому поводу талмудический трактат Песахим 44 b:

גדולה שנאה ששונאין עמי הארץ לתלמידי חכמים יותר
משנאה ששונאין עובדי ע'ז את ישראל ונשותיהן יותר מהן ;

Транскрипция:

gēḏōlā śin'ā š'šōn'īn 'ammē ha'āreš l'talmīdē ḥaḳamīm jōtēr miśin'ā šeśōn'īn 'ōb'edē 'abōdā zārā 'ēt jisrā'el ūn'sōtēhen jōtēr mēhen

Перевод: Велика ненависть, которой ненавидят „народы земли“ учеников мудрецов, она больше ненависти, которой ненавидят Израиль поклоняющиеся „чужому служению“. А жены их (т. е. жены простонародья) (ненавидят учеников мудрецов еще) больше их.

Естественно, что те, кого талмудисты лишали какой бы то ни было надежды на спасение, требуя ради него неукоснительного соблюдения великого множества жестких предписаний своих трактатов, потянулись к Иисусу, который предлагал спасение всем. «Пропасть между праведным законником и грешным человеком была так велика, идеал казался таким недостижимым, что перед ним рождался ужас и начиналось искание новых путей,— писала чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. — В раввинистических кругах сохранялась старая закваска, а Царство божие должно было подняться на новых дрожжах. В Иоанне Крестителе, Иисусе, апостолах мы видим учителей этой народной массы — учителей, которые из нее вышли, были ей близки и ее же стремились научить истине, которая им открывалась. Если мытари присоединились к Иисусу, то потому, что они также представлялись отрицательным явлением в глазах раввинистических групп и не могли надеяться на спасение. Народ, проклятый за неисполнение закона, и мытари, проклятые за свою грешную жизнь, соединились в жажде найти истину»¹⁶. И тут книжники и фарисеи ощутили немалое беспокойство и еще прежде, чем Христос был распят, прибегли к использованию всевозможной дискредитирующей, то есть разуверивающей, информации.

Во-первых, началось оспаривание божественности природы Христа, как о том повествует трактат Та'анит 65 b:

אמר רבי אבהו אם יאמר לך אדם אל אני
מכובד הוא בן אדם אני סופו לתהות בו שאני עולה
לשמים ההוא אמר ולא יקימנה:

¹⁶ Пигулевская Н. В. Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в Римскую эпоху // Ближний Восток, Византия, славяне. Л., «Наука». 1976, с. 109.

Транскрипция:

'amar rabbī 'abbāhū 'im jō'mar l'kā 'ādām 'el 'anī m'kazēb hū' bēn 'ādām 'anī sōpō lit'ehōt bō še'anī 'ōle laššāmajim hāhū' 'amar w'lo' j'qīmēnā

Перевод: «Сказал рабби Аббаху: Если скажет тебе человек: „Бог — я“, (то) лжец он. „Сын человеческий я“ — конец этого для него в раскаянии, так как „Я поднимусь на небеса“ — именно это сказал он и не осуществит (этого)».

Во-вторых, стали утверждать, что Христос — сын римского легионера, носившего имя פנדרא — Пантера.

В-третьих, хотя и признавалось, что Иисус совершал чудеса, но сам он при этом объявлялся египетским чародеем. Так в талмудическом трактате Шаббат 104 b по этому поводу говорится: בן סטרא הוציא כשפים ממצרים — bēn saṭ'eddā' hoṣī' k'šārīm mimmišrajim, то есть «Сын Сатедды (другое талмудическое прозвище Иисуса) вынес чары из Египта». Однако такая трактовка, восходящая к рабби Елизэру, удовлетворяла отнюдь не всех. Иные на это ему отвечали: שופה הוה ואין מביאין ראיה מן השופים — šōṭe hāwā w'e'n mēbī'in r'e'ajjā min haššōṭīm — «Дурак был и не приводят свидетельства от дураков».

Стоит ли удивляться тому, что даже рабби Меир, отличавшийся кротостью и добросердечием, называл Евангелие «немошным» сочинением (дословно און גליין — 'awen gillājōn — «немошь листа»), а рабби Йоханан просто считал его сочинением «преступным» (дословно עון גליין — 'awōn gillājōn «преступлением листа»).

В средние века эта иудаистическая традиция информационной войны против чуждой (христианской) религии была дополнена также дискредитацией пророка Мухаммада и ислама. Свое наиболее яркое эмоциональное выражение она, пожалуй, нашла в известном фрагменте книги Зохар

(III, 282a — Ra'jā mehēmna)¹⁷, книги, которая является вторым по важности (после Сефер Йецира) каббалистическим сочинением.

מסרא דעבודה זרה אוקריא שבתאי לילית אשפה מעורבת בגין דצואה מעורבת מכל מיני פנוף ושרץ דורקין בה כלבים מתים ומורים מתים בני עשו וישמעאל(ל) רבה ישו ומחמד דאינון כלבים מתים קבורים בהו איהי קבר דעבודה זרה דקברין לון ערלים כלבים מתים שקין וריח

Транскрипция:

mistōrā d'ec'c' bōdā zārā 'atqārī'at šabbaṭā'e līlīt 'ašpā m'ec'c' urebeṭ b'g'in d'e'šō'ā m'ec'c' urebeṭ mikkōl mīnē ṭinnūp w'e'sereṣ diz'raqīn bah k'e'lābīm mēṭīm w'hamōrīm mēṭīm b'e'nē 'e'sāw w'e'jīsmā'e(l) rabbah j'e'sū w'mōḥammad d'e'innūn k'e'lābīm mēṭīm q'ḥūrīm bahū 'j'hī qeḥer d'ec'c' bōdā zārā d'qōberīm lūn 'ar'elīm k'e'lābīm mēṭīm šeḡeṣ w'e'rēaḥ

Перевод:

«Тайна чужого служения — лживость субботы Лилит, мусор, мешанный ради кала, мешанный из всех видов нечистот. И червивые отбросы в нем: дохлые собаки и дохлые ослы — сына Исава и Исмаила. Господин ее (т. е. выгребной ямы) Иисус и Мухаммад — воздыхатели о дохлых собаках, похороненных там. Пусть будет могилой чужого служения, в которой погребают необрезанных дохлых собак, мерзость и вонь».

Приведенный нами отрывок текста на арамейском языке — яркий образец дискредитирующей, то есть обезверивающей информации, которая должна была, по изначальному замыслу, конечно же, возбуждать чувство глубокого отвращения и брезгливости как к христианству, так и к исламу. Несомненно, что творец текста обитал в мусульманской среде, которая была ему до того отвратительна, что при написании имени Исмаила — שמעאל(ל) (библейского персонажа, от которого арабы ведут

¹⁷ Laible H. Jesus Christus im Thalmud. Mit einem Anhang: Die thalmudischen Texte, mitgeteilt von Lic. Dr. Gustaf Dalman. Berlin, 1891, S. 19*.

свое происхождение), он опустил конечную букву *ламед*, чтобы не допустить сочетания букв *לם*, ибо двумя этими буквами пишется слово Бог. (Поэтому мы восстанавливаем *ל* в круглых скобках). Возможно, такие филологические подробности и не заслуживали бы внимания в рамках настоящей работы, если бы в памяти миллионов (некогда «советских людей») не сохранились обязательные орфографические требования: писать слова «бог» и «библия» с маленькой буквы. Подобного рода нарочитые орфографические уничижения также являются орудиями информационной войны, которая ставит перед собой задачу разуверить широкие народные массы.

Дискредитирующей информации часто принадлежит важное значение в деле формирования образа врага, а следовательно, и в процессе сплочения любого этноса в соответствии с принципом «против кого дружим?». Ведь с психолого-политической точки зрения «ЭТНОС—это любое объединение людей, которые осознают свою общность, то есть могут сказать о себе „МЫ“», справедливо замечает А. М. Зимичев и добавляет: «Для того, чтобы этнос мог существовать, он должен быть противопоставлен окружающему миру, т.е. „НЕ МЫ“». Иначе говоря, этнос всегда существует там, где есть разделение на „МЫ“ и „НЕ МЫ“»¹⁸. Учитывая основополагающее значение веры в таких противопоставлениях, необходимо признать, что талмудические законоучители, дискредитируя чуждые им религии, способствовали сплочению еврейских общин в непростых условиях рассеяния.

Следует особо подчеркнуть, что наряду с дискредитирующей информацией важнейшую функцию могут выполнять также ложные сообщения, «которые вводят общественное мнение в заблуждение под ви-

дом истинных»¹⁹. Именно они в классификационной схеме А. И. Юрьева именуется дезинформацией. Естественно, что общественное мнение в целом складывается из мнений отдельных лиц, а потому жертвами дезинформационных стратегий часто оказываются и малые группы, и конкретные личности (в первую очередь, принимающие ответственные решения).

История войн дает нам великое множество примеров, когда посредством дезинформации противника относительно своих планов полководцам удавалось реализовать свои истинные цели. Примечательно, что в нашей стране грозное дезинформационное оружие было использовано еще Петром I для прорыва к берегам Балтийского моря. В российских верхах прорыв планировался на осень 1702 года. При этом великий государь не только осуществил дерзкий замысел проложить в безлюдных северных дебрях «Осудареву дорогу», путь для перехода войск и переволоки двух боевых кораблей из одного морского бассейна в другой, но и дезинформировал шведов о своих истинных целях. Как пишет П. А. Кротов, «исследователи прежде не замечали информации, содержащейся в донесении австрийского дипломата в Москве О. А. Плеера», которое он отправил в Вену 15 апреля 1702 г. «За несколько дней до отъезда Петра I из столицы к Архангельску, дипломат сообщал своему правительству, что на севере России готовится встретить царя, который якобы намерен в течение лета предаваться забавам на берегах Белого моря»²⁰. Тем не менее, О. А. Плееру удалось раздобыть и достоверные сведения о тайных планах русского царя, сознательно возмущавшего Европе о своем намерении, увеселяясь в Архангельске, поджидать возможного подхода шведской эскадры, чтобы дать ей отпор. Весьма осведомленный австрийский

¹⁸ Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., «Санта», 1993, с. 55.

¹⁹ Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., Изд-во СПбГУ, 1992.

²⁰ Кротов П. А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999, с. 179–181.

дипломат, меж тем, доносил своему правительству следующее: «...мне доверительно сказали, что это лишь предлог, а истинный замысел состоит в том, чтобы вновь пойти на Нарву, хотя некоторые убеждали царя идти к Ниеншанцу».

Сейчас уже сложно понять, не был ли упомянутый О. А. Плеером замысел Петра I «вновь пойти на Нарву» более глубоким дезинформационным слоем, призванным защитить тот главный стратегический замысел, благодаря осуществлению которого мы имеем сейчас возможность праздновать 300-летие основания Санкт-Петербурга. Примечательно, что в далеком 1702 году даже проницательный австрийский дипломат придерживался мнения о предпочтительности для русского государя похода к Нарве и рассуждал следующим образом: «...когда он будет находиться в Архангельске, неприятель станет уверенно считать, что он там развлекается, а он, между тем, вознамерился быстро пройти через Архангельск на Новгород и Псков и затем продолжить поход к Нарве. А Шереметев, тем временем, должен с сильной армией наблюдать за врагом в поле, дабы (тот) не смог оказать помощи городу (Нарве)».

Замечательный знаток истории XVIII века П. А. Кротов, детально анализировавший эти исторические свидетельства, полагает, что России, оправившейся от ноябрьского поражения 1700 года под Нарвой, требовалось взять реванш именно на месте шведского триумфа двухлетней давности. Однако если принять нашу гипотезу о существовании второго, более глубокого дезинформационного слоя, то и австрийский дипломат, и современный русский историк, возможно, недооценили всей изощренности петровских политических лукавств. Великий государь в таком случае оказывается едва ли не

первооткрывателем той информационной технологии, которая должна быть положена в основу учения о глубинных дезинформационных слоях, призванных защитить главный стратегический замысел²¹.

Другой, более известный пример удачного использования дезинформационных технологий для дезориентации противника связан с экспедицией Наполеона Бонапарта в Египет. Весной 1798 года вся Европа, конечно же, знала, что Франция готовит какую-то морскую экспедицию. Англичане же, сверх того, с особым вниманием следили за тем, как во всех южнофранцузских портах идет кипучая работа, как туда прибывают войска. Тайной не было и то, что главнокомандующим 5 марта 1798 года назначили генерала Бонапарта. И это назначение указывало на всю важность предстоящего дела.

Разумеется, эскадра адмирала Нельсона была готова расстрелять и потопить все французские суда. И именно поэтому Наполеон искусно распространил слух, будто бы он намерен пройти через Гибралтар, обогнуть Испанию и затем совершить высадку в самом неприятном для англичан месте, в Ирландии. Дезинформация (или «информация для нас») Нельсоном была воспринята, и его эскадра стала поджидать Наполеона у Гибралтара. Французский же флот, выйдя из гавани, пошел прямо на Восток к Мальте, острову, принадлежавшему еще с XVI века Мальтийскому ордену. Подойдя к острову, Бонапарт потребовал и добился его сдачи, объявил владением Французской республики и отбыл в Египет.

Будучи человеком весьма одаренным в самых разнообразных областях, Наполеон прекрасно осознавал всю мощь информационно-психологического оружия. Французс-

²¹ В. Б. Резун (Суворов), говоря о временах своего ученичества в системе ГРУ, вспоминает «матерого полковника», который повторял: «...нельзя верить тому, что демонстрируют... надо искать то, что от нас скрывают... Найдете то, что скрывают, не радуйтесь. Это может оказаться вторым каскадом закрытия. Помните: хороший секрет закрывают в два каскада. Или в три». (Суворов В. Самоубийство. Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., «Изд-во АСТ», 2002, с. 11).

кий император отдавал себе полный отчет в том, что, начав в России крестьянскую революцию, сможет легко добиться коренного перелома в ходе военных действий. Ведь после захвата Наполеоном Москвы среди «подлого» сословия распространились слухи, будто бы государь-император Александр Павлович сам тайно попросил Наполеона войти в Россию, чтобы тот помог ему в благородном деле освобождения крестьян от крепостной зависимости, так как сам боится помещиков. А в Петербурге, меж тем, под суд уже был отдан некий Шибалкин, который рассказывал, что Наполеон, настоящий сын императрицы Екатерины II, пришел к нам, чтобы отнять у Александра свою законную всероссийскую корону, после чего опять же освободит крестьян. Воистину показательные образчики того, что философически можно именовать «информацией для нас», а с психологической точки зрения являет из себя примеры стихийной «народной самодезинформации».

«В тот октябрьский день, когда в московском Петровском дворце Наполеон колебался, издать ли декрет об освобождении крепостных крестьян, или не издавать,— писал академик Е. В. Тарле, — в нем шла сильнейшая борьба... Что русское крепостное право гораздо больше похоже на рабство негров, чем на крепостничество в любой из разгромленных им феодально-абсолютистских держав Европы, Наполеон очень хорошо знал: шпионов в России он содержал целую тьму, информацию имел весьма полную и разнообразную. Но революционного генерала уже давно не было, а по залам Петровского дворца, украдкой наблюдаемый дежурными адъютантами, ходил в раздумье взад и вперед его величество Наполеон I, божьей милостью самодержавный император французов, король Италии, фактически верховный сюзерен и хозяин всего европейского континента... Что удержало руку На-

полеона? Почему он не решился привлечь на свою сторону многомиллионную крестьянскую массу? Гадать много не приходится. Он сам объяснил это. Он впоследствии заявил, что не хотел разнуждать стихию народного бунта, что не желал создавать положение, при котором „не с кем“ было бы заключить мирный договор. Словом, император новой буржуазной монархии чувствовал себя все-таки гораздо ближе к хозяину крепостной полуфеодальной романовской державы, чем к стихии крестьянского восстания»²². Эта гипотеза академика Е. В. Тарле кажется весьма правдоподобной. К тому же она объясняет, почему французский император, отказавшись от радикального использования методов информационно-психологической войны, ограничился лишь их применением для мелкого шантажа русского императора. В 1812 году, формально обращаясь к своим сенаторам, а на деле, конечно же, к Александру I, Наполеон писал: «Война, которую я веду, есть война политическая. Я ее предпринял без вражды, и я хотел избавить Россию от тех зол, которые она сама себе причинила. Я мог бы вооружить против нее часть ее собственного населения, провозгласив освобождение крестьян... Много деревень меня об этом просило, но я отказался от меры, которая обрекла бы на смерть тысячи семейств».

Но половинчатость и непоследовательность принимаемых решений в информационной войне еще более опасна, чем непоследовательность и половинчатость командирских решений в ходе обычных военных действий. Это, кстати сказать, очень хорошо осознали политики, претендовавшие на мировое господство в следующем столетии. Они-то уж очень хорошо понимали всю гибельность «половинчатости».

Действительно, лишь XX век дал миру политиков беспредельно раскрепощенных, показавших, что для них не существует психо-

²² Тарле Е. Наполеон. М.Л., 1940, с. 267–268.

логических барьеров в деле информационной войны. Ленин и Сталин, Гитлер и Геббельс, Мао Цзэдун и Аятала Хомини — каждый из них внес свой особый вклад в становление современных информационных технологий. Пусть многие из перечисленных политиков не столь уж далекого прошлого сейчас предаются публичному поношению как преступники, виновные в многочисленных человеческих жертвах, но их «творческое» наследие очень часто и охотно используется представителями отдельных политических элит для достижения своекорыстных целей. При возникновении же военных конфликтов некоторые «моральные табу» снимаются просто автоматически. Достаточно вспомнить, как уже в наши дни во время НАТОвских бомбардировок Югославии в объединившейся Германии вновь зазвучала пословица «Serbien muss sterbien», родившаяся в далеком 1914 году.

«Во время войны пропаганда должна быть средством к цели, цель же, — по мнению Гитлера, — в борьбе за существование немецкого народа»²³. Анализируя неудачный опыт немецкой пропаганды 1914–1918 годов, будущий вождь Третьего рейха, заключенный с 1 апреля 1924 года в крепость Лансберг, возвышался до следующих обобщений: «На деле пропаганда есть средство и потому должна рассматриваться не иначе как с точки зрения цели. Вот почему форма пропаганды должна вытекать из цели, ей служить, ею определяться. Ясно также, что в зависимости от общих потребностей цель может изменяться и соответственно должна изменяться также и пропаганда»²⁴.

Принцип необходимого видоизменения целей в зависимости от меняющейся социально-политической конъюнктуры осознавался и политическими лидерами большевизма. Вспомним, как В. И. Ленин отказался

от лозунга «*Вся власть Советам!*» после того, как реальное руководство советами перешло в руки меньшевиков. Вспомним, как в начале Великой Отечественной войны И. В. Сталин приостановил официальный советский атеизм, ставший для СССР теперь просто опасным. Ведь в оккупированные районы страны вместе с немецкими войсками вступали и духовные миссии, вновь открывавшие поруганные большевиками православные церкви.

Разумеется, германские оккупационные власти возвращали храмы верующим отнюдь не из православного благочестия. Для них эта акция также была важным элементом спецпропаганды среди войск и населения противника. Известные рассуждения Гитлера из «*Mein Kampf*» о военной пропаганде дают нам ясное представление о приемах информационной войны, с помощью которых национал-социалисты стремились «заставить массу поверить», будь то в Германии или в России.

«Задача пропаганды, — писал вождь НСДАП, — заключается, например, не в том, чтобы скрупулезно взвешивать, насколько справедливы позиции всех участвующих в войне сторон, а в том, чтобы доказать свою собственную исключительную правоту. Задача военной пропаганды заключается в том, чтобы непрерывно доказывать свою собственную правоту, а вовсе не в том, чтобы искать объективной истины и доктринерски излагать эту истину массам, даже в тех случаях, когда это оказывается к выгоде противника»²⁵.

Создается впечатление, что эта гитлеровская идея на сегодняшний день усвоена не только военными пропагандистами крупнейших мировых держав. Она уже адаптирована политиками, журналистами, имиджмейкерами и к нуждам информационной войны в рамках так называемых «демократических обществ». Эта идея была

²³ Гитлер А. Моя борьба. (Перевод с немецкого с комментариями редакции). М. «Витязь», 2000, с. 149.

²⁴ Там же, с. 148.

²⁵ Там же, с. 150.

положена в основу большинства успешных избирательных кампаний, а стало быть, от ее использования вряд ли откажутся даже те, кто привык постоянно говорить о разнообразных «правах человека», включая право на информацию.

«Всякая пропаганда должна быть доступной для массы,— писал А. Гитлер,— ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень. А раз дело идет о пропаганде во время войны, в которую втянут буквально весь народ, то ясно, что пропаганда должна быть максимально проста. Чем меньше так называемого научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она исключительно к чувству толпы, тем больше будет успех. А только успехом и можно в данном случае измерять правильность или неправильность данной постановки пропаганды»²⁶.

Опора на симплицизм мышления широких народных масс была провозглашена А. Гитлером в самом начале своей политической карьеры. Но этим принципом он руководствовался и впоследствии, когда сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти. Весьма показательной в этом отношении является историческая речь фюрера от 22 июня 1941 года, в которой он возлагал всю меру ответственности за развязывание войны против СССР не только на Москву, которая «нарушила условия нашего дружественного договора» и «позорнейшим образом изменила»²⁷, но и на «иудейско-английских поджигателей войны». При этом уверялось, что «германский народ никогда не питал враждебных

чувств к народам, населявшим Россию. Но еврейско-большевистские владыки Москвы в течение двух десятилетий старались зажечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе»²⁸. Как известно, особые разделы в этой речи были посвящены британской политике окружения и советским приготовлениям на восточной границе. Гитлер, ссылаясь на слова американского генерала Вуда, утверждал, что Черчилль уже в 1936 году заявил в комиссии Конгресса: «Германия становится слишком могущественной и потому должна быть уничтожена»²⁹. Эмоциональной доминантой выступления поэтому становилась идея: с лета 1939 года Англия сочла момент подходящим для возобновления политики окружения Германии и при этом преследовала одну цель — ее уничтожить. «Начатая кампания лжи,— говорил Гитлер,— стремилась убедить другие народы, что им грозит опасность», и тем самым побуждала эти народы поверить английским гарантиям с тем, чтобы впоследствии «заставить их участвовать в мировой войне против Германии». Таким образом, немецкий народ обретал возможность уверовать в то, что ответственность за неизбежно кровопролитную войну с Советским Союзом ложится на кого угодно, но только не на Германию.

Однако в хорошо продуманной речи от 22 июня 1941 года даже британские козни меркнут в сравнении с «вероломными» советскими приготовлениями на восточной границе: «...броневые соединения и отряды парашютистов все более приближались к германской границе. Германская армия и германская родина знают, что еще несколько месяцев тому назад на нашей восточной границе не было ни одной боевой или моторизованной дивизии...»³⁰. И все это при-

²⁶ Там же

²⁷ А. Гитлер. Речь от 22 июня 1941 года // Волшебная гора. II, Москва.: «Пилигрим», 1994.

²⁸ Там же, с. 136.

²⁹ Там же, с. 133.

³⁰ Там же, с. 140.

уготовляло к принятию самого главного: *«Германский народ! В этот момент происходит наступление наших войск, равного которому по размерам еще не видел мир».*

Лучшие идеи гитлеровской речи от 22 июня 1941 года легли в основу широко известных произведений советского разведчика-перебежчика В. Б. Резуна (Суворова): *«Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну?»*, *«День М»*, *«Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз?»*, *«Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию?»*, *«Последняя республика»* и др.

«Существует немало указаний на то, что срок начала советской операции „Гроза“ был назначен на 6 июля 1941 года, — утверждает В. Б. Резун (Суворов). — Мемуары советских маршалов, генералов и адмиралов, архивные документы, математический анализ сведений о движении тысяч советских железнодорожных эшелонов — все это указывает на 10 июля как дату полного сосредоточения Второго стратегического эшелона Красной Армии вблизи западных границ. Но советская военная теория предусматривала переход в решительное наступление не после полного сосредоточения войск, а до него. В этом случае часть войск Второго стратегического эшелона можно было бы сгружать уже на территории противника и после этого вводить в бой.

Жуков (как и Сталин) любил наносить свои внезапные удары воскресным утром. 6 июля 1941 года — это последнее воскресенье перед полным сосредоточением советских войск»³⁰.

Как известно, именно этим умозаключениям В. Б. Резуна (Суворова) суждено было выполнить исключительно важную функцию в информационно-психологической войне против народа, еще недавно именовавшегося «советским». В СССР подвиг народа в Великой Отечественной войне десятилетиями являлся доминирующим

социальным идеалом (то есть тем идеалом, в который верило большинство граждан страны). Измельчение и разрушение этого главного социального идеала всевозможными сомнениями типа: *«Вот ведь Сталин-то первым готовился напасть на Гитлера, а тот его просто опередил»*, естественно, способствовала возникновению в обществе идеологического кризиса. Последовательная дегероизация событий военного прошлого, конечно же, может быть проиллюстрирована и на материале последних произведений Виктора Астафьева и ряда других перестроечных литераторов, но все-таки В. Б. Резун (Суворов) в этом деле профессиональнее всех. Убедиться в этом позволяет хотя бы такая цитата:

«На машинах политотдела догоняют солдаты свои батальоны, рассказывают.

— Ну, как там, браток, в Освенциме?

— Да ничего интересного, — жмет плечами бывалый солдат в черном бушлате. — Все как у нас. Только климат у них получше.

Пьет батальон горькую водку перед вступлением в бой. Хорошие новости: разрешили брать трофеи, грабить разрешили. Кричит комиссар. Охрип. Илью Эренбурга цитирует: сломить гордость надменного германского народа!

Смеются черные бушлаты: это каким же образом гордость ломать будем, поголовным изнасилованием?»³¹.

Совершенно очевидно, что методикам дегероизации наиболее значимых событий исторического прошлого принадлежит весьма значимая роль в условиях ведения информационной войны, ибо успешное применение этих методик существенно облегчает стимулирование идеологического кризиса.

По справедливому мнению В. П. Бранского и С. Д. Пожарского, *«конечным итогом развития идеологического кризиса является достижение состояния идеологического ваку-*

³⁰ Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.: «Изд-во АСТ», 2002, с. 136.

³¹ Там же, с. 105.

ума. Здесь наблюдается равенство сил между идеалами и антиидеалами, в результате чего ни один из них не может быть реализован, все мероприятия взаимно блокируются и общество оказывается парализованным»³².

Методика достижения равенства между антиидеалом и идеалом принадлежит к числу наиболее действенных средств стимуляции идеологического кризиса как внутри малой группы, так и внутри гигантского государственного образования. Подобно компьютерному вирусу равенство нейтрализующих друг друга идеалов нарушает функционирование любой идеологической системы. Именно поэтому широкому тиражированию книг В. Б. Резуна (Суворова), разрушавших доминирующий социальный идеал советского общества, было придано столь важное значение.

Естественно, возникает вопрос, существовала ли информационная технология, способная нейтрализовать интеллектуальную экспансию разведчика-перебежчика. Такая методика существовала, но сводилась она отнюдь не к запоздалому уличению В. Б. Резуна (Суворова) в различного рода исторических неточностях и фактических ошибках. Автор «Ледокола» легко мог быть «задушен в объятиях» альтернативного антиидеала, но на исходе XX века в России не существовало идеологического спецназа, который был бы в состоянии справиться с подобного рода задачей.

Как известно, В.Б. Резун провозгласил, что «срок начала советской операции „Гроза“

был назначен на 6 июля 1941 года», то есть именно в этот воскресный день Советский Союз готовился напасть на Германию. Гитлер же 22 июня лишь нанес упреждающий удар, чтобы отсрочить неминуемую гибель своей страны. Встав на эту резунскую точку зрения, мы неизбежно вынуждены признать, что потенциальным агрессором была не гитлеровская Германия, а СССР.

До сего места логика «ледокольных» рассуждений удовлетворяла очень многих на нашей планете. Но достаточно было бы вслед за А и В громко сказать С, как В. Б. Резун (Суворов) в одночасье мог бы превратиться в фигуру *non grata* для так называемого «мирового общественного мнения». Коль скоро, как утверждает автор «Ледокола», гитлеровская Германия наносила лишь упреждающий удар по стране, готовившейся напасть на нее 6 июля, с немецких военных и дипломатических руководителей должно быть снято обвинение в развязывании агрессивной войны³³. Но это, в свою очередь, **создает идеологическое основание для пересмотра решений Международного Нюрнбергского трибунала**, по крайней мере, в отношении таких нацистских преступников, как министр иностранных дел И. Фон Риббентроп, генерал-фельдмаршал В. Кейтель, министр вооружений А. Шпеер³⁴. Возникает опасная предпосылка для реабилитации части нацистских преступников, а с этим «мировое общественное мнение» сегодня уж никак не может согласиться.

³² В. П. Бранский, С. Д. Пожарский. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума в свете концепции синергетического историзма. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Политехника, 2002, с. 105.

³³ «Сравним слова Кейтеля и Кузнецова,— пишет В. Б. Резун (Суворов),— Генерал-фельдмаршал В. Кейтель говорит: Германия не готовила агрессию против Советского Союза, агрессию готовил Советский Союз. Германия просто защищалась от неизбежной агрессии, применив упреждающий удар. Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов говорит то же самое: Да, Советский Союз готовился к войне и неизбежно в нее вступил бы, но Гитлер своим ударом эти планы сорвал». (Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.: «Изд-во АСТ», 2002, с. 320).

³⁴ «Мне не понятно,— пишет В. Б. Резун (Суворов),— что в Нюрнберге судьям из „международного трибунала“ не хватило желаний (и профессиональной честности) найти настоящих виновников

Следует особо подчеркнуть, что многочисленные книги В. Б. Резуна (Суворова) представляют не просто грозное, но и обоюдоострое информационное оружие. Еще в позапрошлом веке Ф. И. Тютчев писал:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

(27 февраля 1869 г.)

«Ледокольная» информационная конструкция В. Б. Резуна (Суворова), дробившая на исходе XX столетия доминирующий социальный идеал советского народа, в новых исторических условиях XXI века может оказаться незабываемым фундаментом для становления идеологии неосталинизма. В изменившемся геополитическом контексте, когда величайшая прежде держава утратила одну пятую своей территории при полном бездействии высшего военного руководства, не защитившего национальные интересы страны, «суворовская» мысль о том, что Сталин в 1937–1938 гг. совершенно правильно уничтожил командный состав Рабоче-крестьянской Красной армии, кажется вполне убедительной. А значит, «злонамеренной хрущевской клеветой» становятся любые утверждения о необоснованности тогдашних репрессий в армии, о пресловутых «сталинских ошибках». Более того, уязвленное чувство национальной гордости «дорогих россиян» (связанное со все большей зависимостью внешней и внутренней политики РФ от США и ЕС) будет провоцировать у тысяч людей восхищение завораживающими «суворовскими» рассказами о том, как И. В. Сталин в «День М» собирался захватить всю Западную Европу.

Из всего сказанного о книгах В. Б. Резуна (Суворова) следует и куда более общий вывод о том, что возникновение нового ин-

формационного контекста с неизбежностью влечет за собой изменение психологических качеств исходной информации. Это изменение может оказаться столь радикальным, что конкретная информационная конструкция приобретет психологические качества, прямо противоположные изначальным.

А. И. Юрьев во «Введении в политическую психологию» четко противопоставляет (I) «объективности информации» «**фальсифицирующую информацию**», (II) «системности информации» «**дезорентирующую информацию**», (III) «организованности информации» «**демо-рализующую информацию**», (IV) «достаточности информации» «**дестабилизирующую информацию**», (V) «ясности информации» «**дезинформацию**», (VI) «конкретности информации» «**дезорганизовующую информацию**», (VII) «практичности информации» «**дискредитирующую информацию**», (VIII) «необходимости информации» «**дезинтегрирующую информацию**»³⁵. Принимая такую классификацию, следовало бы сказать, что принадлежность к любому из перечисленных видов информации определяется более широким информационным контекстом, а, стало быть, при его изменении (с субъективной точки зрения) «объективная информация» может превратиться в «**фальсифицирующую информацию**», «системная информация» в «**дезорентирующую информацию**» и так далее. Именно поэтому едва ли не самым действенным оружием информационной войны следует признать **метод изменения общего информационного контекста**, когда в свою противоположность начинают обращаться все создававшиеся прежде микро- и макроинформационные конструкции.

Разумеется, в одночасье изменить весь информационный контекст, хотя бы в рамках отдельно взятой страны,— задача исключительной сложности. Для этого требуются впе-

войны. Но мне не понятно, почему же „судьи“ после признания адмирала Кузнецова не собрались срочно в Нюрнберге и не сняли часть обвинений против Кейтеля, Йодля, германского Вермахта и вообще всей Германии». См. Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.: «Изд-во АСТ», 2002, с. 320.

³⁵ Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., Изд-во СПбГУ, 1992, с. 110–111.

чатляющие силовые акции, которые заставляли бы говорить о себе всех и в то же время девальвировали бы представления, формировавшиеся под воздействием прежних микро- и макроинформационных конструкций.

Понятие микро- и макроинформационной конструкции было впервые введено в научный обиход Д. Ф. Мезенцевым, заложившим основы для создания теории информационных фантомов в рамках современной политической психологии³⁶. По его мнению, системный анализ лавинообразных потоков всевозможных сведений об окружающем мире, который уже давно наблюдается в человеческих сообществах, невозможен без четкого различения микро- и макроинформационных конструкций. Ведь любые частные сообщения, будь то в печатных или электронных СМИ, неизбежно выстраиваются в гигантскую, порой общенациональную, а иногда даже транснациональную макроинформационную конструкцию³⁷.

Примечательно, что исторической основой для мезенцевских теоретических построений послужили события весны 1958 г. во Франции. Те события, которые в своем конечном итоге привели не только к падению режима Четвертой республики, но и к передаче власти генералу Шарлю де Голлю.

Как известно, до момента весеннего кризиса Шарль де Голль находился «не у дел», но его час пробил, когда в правых кругах французского общества возникла глубокая убежденность в неэффективности тогдашней многопартийной системы. Существовавший республиканский строй, как тогда многим казалось, не способен был защитить государственное величие Франции. Еще более радикальные настроения стали характерны для той части правых кругов, которая была тесно связана с армией. В связи с тяжелой и затяжной войной в Алжире настроения эти лишь крепили. Так формирова-

лась политическая установка на ликвидацию Четвертой республики, с тем чтобы утвердить в стране режим авторитарной власти, свободной как от влияния политических партий, так и от «мелочного контроля» со стороны Парламента и общества.

В ту пору для правых сил единственно приемлемым носителем «авторитарного начала» и своеобразным «национальным арбитром» мог быть лишь генерал Шарль де Голль. К тому же он был известен в народе как герой французского сопротивления. Однако несмотря на некоторую внутреннюю напряженность во французском обществе, которую порождала не слишком удачная колониальная война в Алжире, в стране не было глубокого политического кризиса. Подавляющее большинство граждан поддерживало режим Четвертой республики. А это означало, что попытка осуществить смену режима путем открытого переворота оказалась бы для ее инициаторов опасной авантюрой с непредсказуемыми последствиями. Ведь полной готовности к смене политического режима силовым путем не было даже в рядах вооруженных сил.

Осознавая всю сложность политической ситуации, сторонники генерала де Голля встали на путь информационно-психологической войны с тогдашним республиканским строем. Началом этой войны можно считать 13 мая 1958 года, когда был инсценирован путч колониальной армии Алжира против правительства метрополии. Главная задача тех, кто осуществлял эту инсценировку, конечно же, заключалась в том, чтобы породить во французском обществе повсеместное ощущение угрозы — угрозы, связанной с начинающейся гражданской войной. Тем самым взрывался весь прежний информационный контекст, и в свою противоположность обращались микро- и макроинформационные конструкции недавнего прошлого.

³⁶ Мезенцев Д. Ф. Психология влияния средств массовой информации на формирование политических установок личности. Специальность 19.00012 — политическая психология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. СПб., СПбГУ, 1998, с. 20.

³⁷ Мезенцев Д. Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // «Вестник политической психологии», СПб, 2002, № 1 (2), с. 18.

Г. М. Ратиани, бывший непосредственным свидетелем падения Четвертой республики во Франции, писал следующее: *«Парижане, проснувшись 16 мая, сразу увидели, что город за одну ночь изменил свой облик: на улицах и площадях военные грузовики и военные патрули, часовые у государственных учреждений, усиленная внешняя и внутренняя охрана Бурбонского дворца. Этот военный облик Париж будет сохранять две недели. Еще ночью Пфлимлен объявил по радио, что правительство подготовило проект закона о чрезвычайном положении на территории Франции... Мобилизация полиции, жандармерии, войск СРС, которые фактически оккупировали весь Париж и другие промышленные центры, использовались, главным образом, как мера психологического давления на население. С утра до вечера в Париже можно было наблюдать загадочные маневры длинных колонн военных грузовиков с левого берега на правый, с площади Республики к Елисейским полям, из Булонского леса в Венсен. Никто не мог объяснить, почему войска СРС утром разбивали свой лагерь на Марсовом поле, а во второй половине дня вытаптывали траву на аллее между мостами Александра III и Альма. Все это казалось непонятным и бессмысленным, но создавало давящую, тревожную обстановку, и по Парижу среди обывателей поползли всевозможные слухи и самые невероятные предположения»*³⁸.

В многочисленных исторических исследованиях, посвященных падению Четвертой республики, в том числе и в замечательной книге Г. М. Ратиани, убедительно доказано, что в мае 1958 года была осуществлена лишь имитация путча с целью «шантажа» французского общества. У алжирских заговорщиков, естественно, не было реальных сил организовать бросок

на Париж, и даже среди высшего военного командования в метрополии отнюдь не все сочувствовали их планам. Таким образом, «алжирский путч» и иные сопутствующие ему политические события во многом носили фарсовый характер. *«Однако он,— как замечает Д. Ф. Мезенцев,— был использован правыми политическими кругами, и что особенно важно, подавляющей частью французской печати, связанной, в основном, с правыми, для создания и стремительного внедрения в умы миллионов французов грандиозного информационного фантома — представления о том, что Франция глубоко расколота, стоит на пороге гражданской войны, и лишь приход к власти „национального арбитра“, стоящего „над партиями“ и их политическими страстями генерала де Голля может еще спасти страну»*³⁹.

Здесь уместно напомнить, что под **информационным фантомом**, сокращенно **ИНФА** (от латинского *informatio* «представление» + греческого *φάντασμα* «призрак», т. е. «представление-призрак»), мы вслед за Д. Ф. Мезенцевым понимаем **совокупность достоверной, недостоверной и/или заведомо неполной информации, используемой как инструмент формирования требуемых социальных и политических установок**⁴⁰.

Но вернемся во Францию 1958 года, где дни 28 и 29 мая стали апогеем политико-психологического кризиса. В ответ на угрозу военного переворота, с которой открыто выступили сторонники смены режима, левые силы организовали грандиозную манифестацию в поддержку республики. В ней приняли участие по меньшей мере 200 тысяч человек.

В ночь на 30 мая в Париже уже ожидали начала высадки отрядов алжирских парашютистов. Тогда же глава государства,

³⁸ Ратиани Г. М. Франция: судьба двух республик. М., «Мысль», 1980, с. 346–359

³⁹ Мезенцев Д. Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // «Вестник политической психологии», №1(2) СПб., 2002, с. 20.

⁴⁰ Там же, с. 29.

вслед за отставкой законного правительства, поставил национальному собранию по существу политический ультиматум: либо призывание де Голля и наделение его чрезвычайными полномочиями, либо его собственный уход накануне военного переворота. Получалось, что республика может оказаться одновременно и без правительства, и без президента, а Национальное Собрание будет прямо противопоставлено французской армии и стоящей за ней «патриотической общественности». Именно такими методами сильнейшего психологического давления в 1958 году приводили к власти генерала де Голля.

Воздействие ИНФА и информационных фантомных конструкций на сознание широких народных масс поистине огромно. Об этом безжалостно свидетельствует не только новейшая политическая история стран Западной Европы, но и события последних месяцев существования СССР. Возможно, если бы советских людей получше учили истории в средней школе, а главное, если бы нашему народу в меньшей степени было свойственно историческое беспамятство, то примитивное повторение парижских работок весны 1958 через 33 года в Москве не было бы возможно. Однако история не терпит сослагательного наклонения.

Ни для кого не секрет, что к лету 1991 года основная масса населения Советского Союза испытывала глубочайшее разочарование в горбачевской политике «перестройки». Сам же Генеральный секретарь ЦК КПСС стал фигурой исключительно непопулярной как среди рядовых граждан, так и среди членов возглавляемой им партии. В рядах высшего партийного руководства уже назревали настроения, отчасти напоминающие те, что предшествовали Октябрьскому Пленуму ЦК КПСС 1964 года, после которого Н. С. Хрущев был освобожден от всех занимаемых должностей.

«Можно себе представить, какой и впрямь произошел бы в стране переворот, когда бы президент СССР был бы выведен из все еще правящей и многомиллионной партии, имевшей в своем пользовании огромное число техники, строений, издательств, типографий, на счетах которой лежали миллиарды рублей!» — писал В. Хатюшин. — Такой переворот мог произойти в любую минуту и допустить его демократы не имели права»⁴¹.

В сложившейся ситуации (весьма неблагоприятной как для демократических сил, так и лично для М. С. Горбачева) возникли иллюзии, что самым простым выходом будет упреждающая силовая акция, призванная взорвать весь «информационный контекст» перестроечной действительности. Тем самым антигорбачевские силы будут полностью дискредитированы, а Президент СССР вновь обретет к тому времени утраченное народное сочувствие.

Министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе был едва ли не первым, кто начал создавать фантомную, пока что микроинформационную конструкцию о готовящемся «путче». Исходная идея в среде творческой интеллигенции была сразу же воспринята кинорежиссером С. О. Снежкиным, который смог получить необходимый материальный ресурс для съемки широко известного кинофильма «Невозвращенец». Фильм был снят как раз как августовским событиям, когда произошло создание ГКЧП — Государственного комитета по чрезвычайному положению, в столицу двинулась бронетехника, а телевидение по всем каналам начало транслировать «Лебединое озеро». При этом в кратких официальных информационных передачах утверждалось, что М. С. Горбачев заболел, в то время как демократические силы через подконтрольные им СМИ доносили до народа «правду» о том, что президент СССР полностью блокирован путчистами в Фаросе.

⁴¹ Хатюшин В. Переворот по плану «икс» // «Глашатай», № 1, февраль 1992, с. 2.

«Уже множество фактов говорит об имевшейся и не прерывавшейся связи М. Горбачева с Москвой все три дня переворота»,— пишет В. Хатюшин и иллюстрирует это утверждение следующими примерами: «В выступлении на вечернем заседании сессии Верховного Совета СССР 28 августа заместитель премьер-министра В. Щербаков, рассказывая о своих сомнениях в законности введения чрезвычайного положения, вдруг в сердцах воскликнул: „Это счастливая случайность, что Михаил Сергеевич Горбачев позвонил мне за 20 минут до конференции (имелась в виду пресс-конференция экачепистов, начавшаяся 19 августа в 17 часов)“. Следовательно, 19 августа связь у Горбачева с внешним миром была. Была она, по-видимому, и 20 августа. Во всяком случае, в тот день в Белом доме на Краснопресненской набережной произошло событие, которое многих удивило, а охрану из числа российского КГБ обескуражило: „...молодой корреспондент ленинградской «Смены» Гоша Урушадзе сумел связаться с Горбачевым и переговорить“! («Мегаполис-экспресс», 1991, № 35, с. 19). Выходит, что М. Горбачев во время путча поддерживал связь с Б. Ельциным»⁴².

Весьма показательно и бессмысленное трехдневное стояние в центре Москвы танков и БТРов. (Как свидетель, побывавший 21 августа 1991 г. в столице, не могу не поделиться своим тогдашним изумлением: бронетехники в Москву нагнали столько, словно готовились к сражению под Курской дугой). В действительности же она была едва ли не главным оружием психологической войны. Тем оружием, с помощью которого не только взрывался весь «информационный контекст» давно зашедшей в тупик горбачевской перестройки, но и унижалась, оскорблялась, дискредитировалась армия. Ведь в августовской информационной войне Советской Армии также

была уготована участь жертвы. Согласно сценарию, ей отводилась роль «главной исполнительницы» «военного переворота», но чтобы вызвать у населения сильнейший всплеск негативных антиармейских эмоций, требовались, помимо прочего, еще и жертвы среди мирных, невооруженных граждан. «Не секрет,— писал в феврале 1992 года В. Хатюшин,— что многих молодых людей у Белого Дома спаивали, дабы те не боялись бросаться на танки и бронетранспортеры, ведомые такими же молодыми парнями, не собиравшимися ни на кого нападать. Надо, наконец, открыто сказать, что в четырех жертвах путча повинны те, кто напал первым, кто в прямом смысле шел убивать»⁴³. Возможно, сегодня слова о четырех жертвах, заимствованные из столичной газеты десятилетней давности, кому-то просто покажутся опечаткой. В общественном сознании давно укоренилось представление о трех погибших «защитниках Белого Дома». Однако имеется и четвертая жертва. Ею был сгоревший солдат — механик-водитель БТРа, уже ушедшего из Москвы. БТР подожгли как бы на прощание.

Исключительно важно, что и «консервативный генералитет» Министерства Обороны СССР, и нижестоящие командиры сделали все, чтобы не допустить больших человеческих жертв. Армия изо всех сил стремилась не поддаваться на провокацию тех, кто организовывал не мифический, а реальный заговор против государства и его вооруженных сил. Но высшие военные руководители вскорости все равно были смещены.

Весьма примечательно и то, что за три дня молчаливо-бездеятельного «путча» от имени Коммунистической Партии Советского Союза в поддержку «путчистов» не последовало никаких заявлений. И Политбюро, и Центральный Комитет КПСС устанились от какой бы то ни было оценки

⁴² В. Хатюшин. Переворот по плану «икс» // «Глашатай», № 1, февраль 1992 г., с. 2.

⁴³ Там же.

происходящего. Подобным же образом отреагировало и политическое руководство Коммунистической партии Российской Федерации. Однако позиция демонстративного устранения от всего происходящего уже не могла спасти некогда «руководящую и направляющую силу советского общества». Ведь с 20 августа в сознание миллионов людей уже внедрялась будто бы народная «расшифровка» аббревиатуры ГКЧП — «*Гады коммунисты, что придумали!*».

На этом слогане имеет смысл остановиться подробнее, ибо он действительно представляет собой одну из лучших находок августовской информационно-психологической войны, подготовившей крушение СССР. По сути дела, перед нами — воплощенная в слове **фигура Рубина**, широко известная всем психологам. Подобно тому, как на примечательной картинке из учебника психологии одни видят два женских профиля с развевающимися волосами, а другие — хрустальную рюмочку на черном фоне, слоган «*Гады коммунисты, что придумали*» сразу же давал возможность двоякого понимания. Для большинства «*гадами коммунистами*» становились члены ГКЧП, а для меньшинства — «*фаросская жертва*», генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Его участь, согласно доктрине Бетти Глед о президентах-двойниках, сменяющих друг друга, чтобы довести до конца великое политическое предприятие, естественно, была предreshена уже в августе. Тем самым слоган содействовал решению как первичной, так и вторичной задачи информационно-психологической войны.

Трагические события 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах Америки (по прошествии всего лишь одного года) приобретают облик тем более чудовищного злодеяния, что они были сознательно использованы для взрыва **мирового информационного контекста** с целью решения глобальных геополитических проблем. Без такого информационного взрыва чудовищ-

ной силы, приведшего к созданию фантомной макроинформационной конструкции планетарного масштаба, Соединенные Штаты не смогли бы объявить зоной своих жизненных интересов территорию исторической России или, пользуясь демократической фразеологией, «бывшего СССР». Американское военное присутствие в странах Центральной Азии, входящих в состав СНГ, в Афганистане и в Грузии просто не было бы возможным. Очевидно, что для психолого-политического закрепления достигнутого успеха в ближайшее время будет применена методика объективизации всего произошедшего.

Методика объективизации относится к числу весьма действенных информационных технологий. Происходящие события или некий политический процесс объявляются не следствиями «субъективного фактора», то есть результатом волевых усилий конкретных заговорщических групп, политических партий, транснациональных корпораций или межгосударственных объединений, но воплощением естественного хода мирового развития, а стало быть, фатальной исторической неизбежностью. Применительно к нынешней геополитической ситуации целесообразно будет вспомнить господина Хантингтона с его войной цивилизаций, особо подчеркивая то обстоятельство, что сейчас отживающие агрессивные цивилизации прошлого атакуют современное человечество, вступающее в эпоху глобализма. Естественно, что «*глобализация — это объективный процесс*», который «*невозможно остановить*». Конечно же, те, кто не утратил исторической памяти, могут возразить, что и «*социализм победил в нашей стране полностью и окончательно*», что «*нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме*» аж в 1980 году, что «*альтернативы перестройке нет*». Во всех перечисленных политических лозунгах методика объективизации нашла свое достойное применение. Коль скоро событие или процесс

начинает восприниматься населением как нечто неизбежное и неотвратимое, оно утрачивает интерес к сопротивлению. И пусть даже событие или процесс вступает в противоречие с интересами широких слоев общества — **что пользы плевать против ветра истории!**

Однако методика объективизации может стать грозным информационным оружием также и в руках антиглобалистов. Последнее выступление Джорджа Сороса, сигнализирующее о вероятном снижении курса американской валюты, реальная обеспокоенность транснациональной финансовой элиты, нашедшая свое отражение в усилившейся нестабильности мировых валютных рынков, и проявившаяся в последнее время тенденция противопоставить новую объединенную валюту евро как альтернативу американскому доллару — все это **достаточная информация** для применения упомянутой выше методики. Проиллюстрируем это на примере трех микро-информационных конструкций, которые, будучи в одночасье развернуты в макро-информационную конструкцию, способны овладеть умами миллионов людей.

Первое. Объективная реальность такова, что сформировавшийся в США чересчур

высокий уровень потребления был вполне допустимым для миллионов людей в период холодной войны, когда шло соревнование двух антагонистических систем. В настоящее время, в связи с крушением социализма, он является анахронизмом, ибо планетарные ресурсы ограничены и не могут быть растрочены в течение двух ближайших столетий. Естественный процесс сбережения ресурсов для будущих поколений — объективная основа предстоящего упрощения мирового финансового уравнения.

Второе. Объективный анализ экономической ситуации в США приводит к неутешительному выводу о неустойчивости долларовой пирамиды, обвал которой может начаться в любую минуту.

Третье. Транснациональная финансовая элита уже готова отказаться от монополии доллара, пойдя на перераспределение части его функций в пользу новой резервной валюты — евро.

Такова объективная реальность. **Что пользы плевать против ветра истории!** Так что, в соответствии с идеями популярной песни из популярного кинофильма, *«думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь»*.



A. L. Vasojević

Soziale Gruppen Ägyptens zur Zeit der assyrischen Eroberung¹

В основу статьи положен доклад «Социальные группы Египта в условиях ассирийского завоевания»,² прочитанный 15 июля 1989 г. в Лейпциге на Постоянной египтологической конференции немецкоязычной египтологии. Доклад был опубликован в старейшем египтологическом журнале Европы „Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde“, Bd. 127, Heft 2, 1990, S. 171–178.

Die Siegesinschriften der assyrischen Könige enthalten ausführliche Beschreibungen ihrer Kriegszüge nach Ägypten. Diese keilschriftlichen Texte allein erlauben es uns jedoch nicht, ein Urteil über die sozialen Gruppen der altägyptischen Gesellschaft zur Zeit der assyrischen Eroberung zu fällen. Für die Klärung der Besonderheiten der damaligen sozialpolitischen Situation ist eine komplexe Untersuchung aller vorhandenen assyrischen, ägyptischen, hebräischen und griechischen Quellen vonnöten.³ Bei solch einer Untersuchung ziehen die Angaben im 141. Kapitel des zweiten Buches von Herodots „Geschichte“ unsere besondere Aufmerksamkeit auf sich, und das, obwohl die dort unter anderem angeführte Geschichte von den Mäusen, die die Bogensehnen der assyrischen Krieger zernagten und somit Ägypten vor der Eroberung retteten, eher märchenhaft anmutet.

Das 141. Kapitel des zweiten Buches beginnt folgendermaßen: *Μετὰ δὲ τοῦτον βασιλεῦσαι τὸν ἱρέα τοῦ Ἡφαίστου, τῷ ὄνομα εἶναι Σεθῶν*⁴ „Nach ihm (d. h. nach Anysis) wurde der Hephaisstos-priester Sethon König.“

Der Name Sethon ist schon seit dem 19. Jahrhundert Gegenstand wissenschaftlicher Diskussionen. Schon im Jahre 1900 wies F. Griffith darauf hin, daß es die Möglichkeit gibt, den Namen

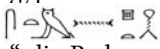
¹ Vortrag gehalten auf der Ständigen Ägyptologen-Konferenz in Leipzig, 14.–16. Juli 1989.

² Вассоевич А. Л. Социальные группы Египта в условиях ассирийского завоевания // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. I, М., «Наука», 1985, с. 3–16.

³ Aus der Entstehungsgeschichte dieser bescheidenen Arbeit ist der Name meines verstorbenen wissenschaftlichen Betreuers, Dr. J. J. Perepelkin, nicht wegzudenken. Die mir von ihm 1968–1982 gegebenen Konsultationen haben mir bei der Lesung ägyptischer, assyrischer, hebräischer und griechischer Quellen zur Geschichte der assyrisch-ägyptischen Kriege unschätzbare Hilfe geleistet. Auch bei der Wiedergabe ägyptischer Eigennamen, die auf koptische Art vokalisiert sind, habe ich die Prinzipien Dr. Perepelkins benutzt.

⁴ Herodoti Historiae. Vol. I libros I–IV continentes. Edidit H. B. Rosen. // Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, Leipzig, 1987, p. 227.

Sethon, der Tradition A. Wiedemanns⁵ folgend, als undeklinierbar zu betrachten⁶ und in ihm, wie das vorher schon Kral getan hat, das Equivalent von demotischem *stme* zu sehen⁷. Also: *sm* > *stm* > *stme* = Σεθών.

Es sei darauf hingewiesen, daß Griffith's Deutung nicht von allen Ägyptologen angenommen wird. In der folgenden Überlegung, die sozialen Gruppen Ägyptens zur Zeit der assyrischen Eroberung betreffend, wollen wir jedoch davon ausgehen, daß der Name Σεθών den Priestertitel *stm* wiedergibt⁶. Was den Gott Hephaistos betrifft, dessen Priester Sethon war, so wird er mit dem ägyptischen Ptah identifiziert. Der ägyptische Titel dieses Priesters, der zugleich König war, ist:  *stm n(j) Pth*. Also ist im 141. Kapitel des 2. Buches von Herodots „Geschichte“ die Rede vom Hohenpriester von Memphis.

Wenden wir uns nun wieder Herodot zu: τὸν ἐν ἀλογίῃσι ἔχειν παραχρησάμενων τῶν μαχίμων Αἰγυπτίων ὡς οὐδὲν δεησόμενον αὐτῶν „Er verachtete das ägyptische Militär und setzte es nicht nur ganz herab, als hätte es dessen nicht nötig, ...“

ἄλλα τε δὴ ἄτιμα ποιεῦντα ἐς αὐτοῦς, καὶ σφραγας ἀπελέσθαι τὰς ἀρούρας, τοῖσι ἐπὶ τῶν πρτέρων βασιλέων δεδόσθαι ἐξαιρέτους ἐκάστῳ δωδέκα ἀρούρας, „... sondern tat ihm sogar auch die Beschimpfung an, daß er ihm die Äcker, von denen die vorhergehenden Könige jedem Mann zwölf geschenkt hatten, wieder nahm.“

μετὰ δὲ ἐπ' Αἴγυπτον ἐλαύνει στρατὸν μέγα Σαναχάριβον βασιλέα Ἀραβίων τε καὶ Ἀσσυρίων οὐκ ὧν δὴ ἐθέλειν τοὺς μαχίμους τῶν Αἰγυπτίων βοηθεῖν. „Als Sanacharib, König der Araber und Assyrer, eine große Armee nach Ägypten schickte, wollten die Krieger Ägyptens nicht kämpfen“.

Die angeführte Stelle erlaubt es uns, genau zu bestimmen, von welcher Zeit Herodot spricht. Σαναχάριβος ist die griechische Wiedergabe des assyrischen Herrschernamens Sin-ahhē-riba (705–680 vor Christus). Aus dem sechsseitigen Prisma von Sin-ahhē-riba⁹ sowie aus dem Alten Testaments¹⁰ wissen wir, daß die assyrisch-ägyptischen Beziehungen zu dieser Zeit angespannt waren. Dem Alten Testament entnehmen wir, daß Sin-ahhē-riba ein Zeitgenosse Taharkus war. Einige Ägyptologen kommen nach komplizierten chronologischen Untersuchungen zu der Ansicht, daß das ägyptische und das assyrische Heer noch unter Sebteko aufeinandertrafen, und daß Taharku somit zu dieser Zeit nur Oberbefehlshaber der Armee war.¹¹ Wie dem auch sei, kein Zweifel, daß Herodot im 141. Kapitel des zweiten Buches seiner „Geschichte“ von Ereignissen spricht, die sich während der 25. kuschitischen Dynastie abgespielt haben müssen.

⁵ Wiedemann A. Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen, Leipzig, 1890, S. 601.

⁶ Schon im Jahre 1652 hat Athanasius Kircher den Namen Σεθών als undeklinierbar betrachtet und die Ereignisse, die im 141. Kapitel des zweiten Buches von Herodot beschrieben werden, in die Zeit der 27. Dynastie datiert: „DYNASTIA XXV AETHIOPUM. Initium huius Dynastiae fecit Sebachus, vel ut aliis Sabazius, qui Aethiops fuisse perhibetur. Hic enim devicto Borchoro poitur Aegypto ... In locum vero Sabazij successit Sebachus, seu ut Herodotus vult, Sethon, et nun Tharachus Aethiops, de quo, quod dicamus, non habemus.“ — Vide: Athansii Kiroheri e soo. Jesu OEDIPUS AEGYPTIACUS, Tomus I, Romae, 1652, pp. 98–99.

⁷ Griffith F. Stories of the High Priests of Memphis. The Sethon of Herodotus & the Demotio Tales of Khamuas, Oxford, 1900, p. 8.

⁸ Вассоевич А. Л. Опыт сопоставления Herodotus II, 141 с некоторыми восточными текстами. В кн.: Древний и средневековой Восток. История, филология (проблемы истониковедения), М., 1984, с. 25–41.

⁹ Das sechsseitige Prisma von Sin-ahhē-riba, II, 34–III, 41.

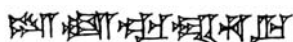
¹⁰ Biblia Hebraica. Liber Jesaiae, XXXVI, 1; XXXVII, 9. Vide etiam Lib. IV Regum (hebr. II Malachim) XVIII, 13; XIX, 9; XIX, 16–36.

¹¹ Zeissl H. von, Äthiopen und Assyrer in Ägypten. Beiträge zur Geschichte der ägyptischen „Spätzeit“, Glückstadt u. Hamburg, 1944, SS. 23–26.

Es ist allgemein bekannt, daß es Sin-ahhē-riba nicht gelang, Taharku zu besiegen und Ägypten unter seine Herrschaft zu bringen. Erst den Nachfolgern Sin-ahhē-riba's, den assyrischen Herrschern Aššur-aḫu-iddina und Aššur-bāni-apli war es vergönnt, Ägypten zu erobern. Der letztere fügte den Ägyptern die entscheidende Niederlage zu, und seine Annalen dienen der heutigen Wissenschaft als wichtigste Quelle bei der Bekonstruktion der assyrisch-ägyptischen Kriege. In den Annalen von Aššur-bāni-apli finden sich auch einige schwerverständliche Fakten, zu deren Klärung meiner Meinung nach das erwähnte Kapitel in Herodots „Geschichte“ beitragen könnte.

Der erste Kriegszug Aššur-bāni-apli's nach Ägypten fällt in das Jahr 666 vor Christus und wurde durch Taharkus Vertreibung der Assyrer aus dem Norden des Landes und die Eroberung der Stadt Menfe, die noch unter dem Vater Aššur-bāni-apli's dem assyrischen Reich angeschlossen worden war, ausgelöst.

Als das assyrische Heer in Ägypten eindrang, vernichtete es die Armee Taharkus in einer großen Schlacht auf freiem Feld. Taharku selbst war von seiner Niederlage so erschüttert, daß er



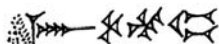
10

il-li-ka maḫ-ḫu-taš „wie ein Geistesgestörter einherging“ und darauf



11

^{al}Me-em-pi ú-maš-šir-ma a-na šu-zu-ub napišti(ZI)^{ti}-šú in-na-bit a-na qé-reb ^{al}Ne-’ „Menfe verließ und zur Rettung seines Lebens nach Ne floh“. Bemerkenswert dabei ist, daß der mit dem Schiff fliehende Herrscher nicht nur vom assyrischen Heer, sondern auch von Kriegern und Schiffen irgendwelcher



12

[šarrāni]^{mes} māṭ Mu-šur, das heißt „Herrscher Ägyptens“ verfolgt wurde.

Den Assyrem war es gelungen, ihre Herrschaft in Ägypten wiederherzustellen. Die assyrischen Annalen führen eine lange Namensliste derjenigen Herrscher ägyptischer Städte an, die vor dem Angriff Taharkus



13

pi-qit-ta-šú-un ú-maš-še-ru im-lu-u šeru(EDIN) „ihren Dienst aufgegeben hatten und in die Wüste geflüchtet waren“. Jetzt wurden sie wieder in ihre alte Dienststellung eingesetzt. Wer waren diese Leute, die vor den Äthiopiern geflüchtet waren, sich den Assyrern gegenüber aber loyal verhalten hatten? Wenn man nach ihren Namen geht, so muß es sich bei einigen von ihnen um Libyer gehandelt haben.

Die Wiedererrichtung der assyrischen Herrschaft in Ägypten zog für die Bevölkerung des Landes viel Negatives nach sich: Eine Vielzahl von Gefangenen und Berge an Wertsachen wurden nach Ninua (Ninive) verschleppt. Einige vormals loyale Herrscher nördlicher ägyptischer

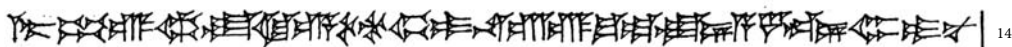
¹⁰ Das zehneitige Prisma von Aššur-bāni-apli, I, 84.

¹¹ Das zehneitige Prisma von Aššur-bāni-apli, I, 87–88.

¹² Rawlinson H. C. A Selection from the Miscellaneous Inscriptions of Assyria // The Cuneiform Inscriptions of Western Asia, Vol. III, London, 1870, p. 28–29. Die Tontafel mit Teilen der Annalen, Vorderseite, 27.

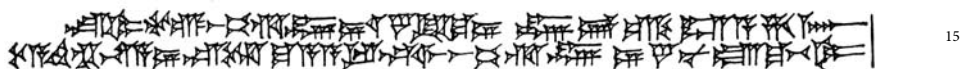
¹³ Das zehneitige Prisma von Aššur-bāni-apli, I, 112.

Städte wie Šarru-lu-dari, Pe-krur und Neko, fingen an zu beraten und sprachen:



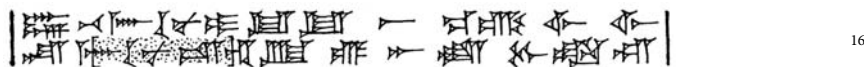
^mTer-qu-ú ul-tu qé-reb ^{mā}Mu-šur i-na-sih-u-ma at-tu-ni a-šá-ba-ni mi-i-nu

„Taharku wird aus Ägypten vertrieben, was ist unser Leben noch wert?!“ Man schickte Boten zum kuschitischen Herrscher, um ihm folgendes mitzuteilen:



su-lum-mu-ú ina(AŠ) bi-ri-in-ni liš-šá-kin-ma ni-in-dag-ga-ra a-ḫa-meš [40] mātu(KUR) a-ḫe-en-na-a ni-zu-uz-ma a-a ib-ba-ši ina(AŠ) bi-ri-ni šá-nu-ma be-lum „Möge Freundschaft zwischen uns hergestellt werden. Verständigen wir uns! Teilen wir das Land in zwei Hälften und möge es keine anderen Herrscher außer uns geben!“

Von dieser Botschaft erfuhren die assyrischen Beamten und fingen die Boten ab. Kurz darauf wurden auch die Verschwörer verhaftet und in Ketten nach Ninua gebracht. In den Städten Saja, Pintiti, Dsanu und einigen anderen erschlugen die Assyrer aus Rache für diese Verschwörung die gesamte Bevölkerung, ohne einen einzigen Menschen zu verschonen:



^{amēl}pagrē(BAD)^{meš}-šú-nu i-lu-lu ina(AŠ) ^{is}ga-ši-ši [4] maškē(KUŠ)^m[^{es}-šú-nu is-ḫ]u-tu u-ḫal-li-pu dūr(BĀD) āli(URU) „Ihre Leichen hängten sie auf Lanzen, ihre Häute zogen sie ab und bedeckten mit ihnen die Mauern der Stadt.“

Gleichzeitig verfuhr aber Aššur-bāni-apli zumindest mit einigen der nach Ninua gebrachten Verschwörer recht gnädig. So wurde Neko nicht nur das Leben erhalten, sondern er durfte, beladen mit reichen Geschenken und in Begleitung assyrischer Verwaltungsbeamter, als Herrscher der Stadt Saja nach Ägypten zurückkehren¹⁷. Sein Sohn Psametschik nahm den assyrischen Namen Nabu-šezibani an und wurde zum Herrscher in Athrebi ernannt¹⁸.

Obwohl die assyrischen Quellen nichts über das weitere Schicksal von Pe-krur mitteilen, muß doch angenommen werden, daß auch er der Strafe für seinen Verrat an den assyrischen Besitzern entging. Wir begegnen seinem Namen nämlich im Text der Traumstele¹⁹, welcher in das erste Jahr der Regierung Taltamanes datiert ist. In diesem Text erscheint der wetterwendische Taktiker Pe-krur zuerst unter den Herrschern des Deltalandes, die beim Erscheinen des Heeres von Taltamane sich gleich angriffslustigen aber vorsichtigen Skorpionen in ihre Festungen begaben²⁰. Nachdem der kuschitische Herrscher die erfolglose Belagerung dieser Festungen abbrach und nach Memphis zurückgekehrt war, wird Pe-krur als einer derjenigen „Großen“ (wr.w) genannt, die sich zu Taltamane begaben, „nicht um zu kämpfen,

¹⁴ Die Tontafel mit Teilen der Annalen, Vorderseite, 37. Vide etiam: Das zehnsseitige Prisma von Aššur-bāni-apli, I, 121–122.

¹⁵ Die Tontafel mit Teilen der Annalen, Vorderseite, 39–40. Vide etiam: Das zehnsseitige Prisma von Aššur-bāni-apli, I, 124–126.

¹⁶ Das zehnsseitige Prisma von Aššur-bāni-apli, II, 3–4.

¹⁷ Das zehnsseitige Prisma von Aššur-bāni-apli, II, 8–18.

¹⁸ Ю. Я. Перепелкин, Второе эфиопское завоевание. Всемирная история, т. I, Москва, 1956, с. 582–583.

¹⁹ E. Akmar, La stele du gongé. Sphinx, 1924, vol. 21, 39–134. Die Traumstele, 36.

²⁰ Die Traumstele, 26.

sondern zu dienen», und mehr noch, Pe-krur wendet sich schmeichelnd an Taltamane²¹:



‘h’ pw jr.t jn rp’.t h’.tj-’ n Pr-Spd.w P’-qrr r md.t
dd.f sm’.k mr.k s’nh mr.k nn db’.wt wr wr.t hr šw.tj

„Da stand der Herrscher und Fürst von Pi-Sopt Pe-krur auf, um zu reden. Er sagte: „Wenn es Dir beliebt, so tötest Du, wenn es Dir beliebt, so schenkest Du das Leben. Es gibt keinen Widerstand gegen die Krone mit zwei Federn.“

Doch wenden wir uns wieder der Frage zu, warum die Hauptschuldigen der ägyptischen Verschwörung von den Assyren so zuvorkommend behandelt wurden. Dieser seltsame Umstand mußte einfach die Aufmerksamkeit der Wissenschaft auf sich ziehen. „Der Unterschied zwischen der Behandlung der Stadtbevölkerung im Norden des Landes und der einflußreichen Anführer des Aufruhrs ist ganz offensichtlich», schrieb J. J. Perepelkin, der größte russische Ägyptologe, im ersten Band der Weltgeschichte²². Dort sprach er auch die Vermutung aus, daß möglicherweise die ungeheure Unzufriedenheit der Stadtbevölkerung mit dem ihr von den Assyren aufgezwungenen Joch Neko zu Verhandlungen mit Taharku zwang. Mir scheint, daß eben das 141. Kapitel des zweiten Buches von Herodots „Geschichte» es uns ermöglicht: 1. das unterschiedliche Verhalten von Aššur-bāni-apli den verschiedenen Verschwörern gegenüber, 2. die befremdliche Loyalität einiger ägyptischer Herrscher gegenüber den Assyren und 3. wichtige Probleme der sozialpolitischen Geschichte der 25. Dynastie genauer zu erklären.

Es ist allgemein bekannt, daß, als die Äthiopier Ägypten besetzten, sie sich der örtlichen Priesterschaft, darunter auch der Priesterschaft der Stadt Memphis gegenüber, ausgesprochen gnädig verhielten. Zweifellos war auch unser Priester des Gottes Ptah, der Oberpriester der Stadt Memphis, ein Parteigänger der Äthiopier. Genauso bekannt ist das feindliche Verhältnis der libyschen Bauernkrieger zu den Kuschiten und deren Anhängern. Die libyschen Bauernkrieger saßen auf den Äckern, „von denen die vorhergehenden Könige jedem Mann zwölf geschenkt hatten“²³. Herodot gibt uns ein beredtes Zeugnis von den Ansprüchen, die die prokuschitische Priesterschaft an das Eigentum der libyschen Bauernkrieger stellte. Es ist nicht verwunderlich, daß die Soldaten Ägyptens nicht kämpfen wollten, „als Sanacharib, König der Araber und Assyrer, eine große Armee nach Ägypten schickte“²⁴.

Sin-abhē-riba war es nicht gelungen, Ägypten zu erobern. Aber als es seinen Nachfolgern gelang und die Assyrer die Äthiopier vernichtend schlugen, mußten die Libyer zwangsläufig als Feinde der Kuschiten Freunde der Assyrer werden.

Die libyschen Bauernkrieger waren im Besitz von Ackerland, ihre Fürsten aber herrschten in den Städten. Sie waren es meiner Meinung nach, die als šarrāni^{mes} māt Mu-šur mit ihren Kriegern und Schiffen halfen, Taharku zu verfolgen.

Diese aus dem Vergleich der keilschriftlichen Texte mit der Erzählung Herodots gezogene Schlußfolgerung stimmt ausgezeichnet mit den Angaben hieroglyphischer ägyptischer Texte

²¹ Die Traumstele, 28–29.

²² Perepelkin Ю. Я. Второе эфиопское завоевание // Всемирная история, т. I, Москва, 1956, с. 582.

²³ Herodotus, II, 141, 1.

²⁴ Herodotus, II, 141, 2.

τούτοις δὴ μιν πίσυνον [τοῖσι ἐνυπνίοισι] παρελάβοντα Αἰγυπτίων τοὺς βουλομένους οἱ ἔπεσθαι στρατοπεδεύσασθαι ἐν Πηλοσυῖω (ταύτῃ γὰρ εἰσι αἱ ἐσβολαί). „Diesem Glauben schenkend, nahm er die Ägypter, die ihm folgen wollten, und schlug bei Pilusium sein Lager auf. Dort ist der Zugang nach Ägypten“.

Und jetzt kommt der meiner Meinung nach wichtigste Satz: ἔπεσθα δὲ οἱ τῶν μαχίμων μὲν οὐδὲνα ἀνδρῶν, καπήχους δὲ καὶ χειρῶνακτας καὶ ἀγοραίους ἀνθρώπους „Ihm folgten aber nicht die Krieger, sondern Händler, Handwerker und Marktleute“.

Die in diesem Satz erkennbare Gegenüberstellung der Krieger, die sich weigerten mit den Assyrem zu kämpfen, mit den „Leuten der Märkte“, den „Händlern“ und „Handwerkern“, die sich Sethon anschlossen, zeigt, daß die Masse der Stadtbevölkerung zu Beginn des assyrisch-ägyptischen Konfliktes als Verbündete der prokuschitischen Priesterschaft auftrat und bereit war, die Waffen gegen die assyrischen Eindringlinge zu erheben.

Die Gründe, aus denen die prokuschitische Priesterschaft den libyschen Bauernkriegern so verhaßt war, wurden von Herodot angeführt. Warum es aber die Stadtbevölkerung vorzog, Sethon zu unterstützen, ist nicht klar, es sei denn, wir haben die Rolle, die Hephaistos-Ptah in dieser Angelegenheit spielte, im Auge.

Wenden wir uns nun der Stelle in der Inschrift Pianchis zu, die die sozialen Gruppen der Stadtbevölkerung in Memphis anführt, welche gegen die kuschitischen Eroberer aufgestanden waren.



29

dj.sn pr mš' r nhj m mš' n.w ḥm.f m ḥm.w.t jmj-r' qd.w sqd.w.t

„Sie stellten ein Heer auf gegen einen Teil des Heeres Seiner Majestät, es bestand aus Handwerkern, Vorsteher der Maurer, Schiffern“.

Wir sehen, daß dieselben Schichten der Stadtbevölkerung, die nach Herodots Zeugnis sich später gegen Sin-ahhē-riba wandten, auch gegen Pianchi ihre Waffen erhoben hatten. Doch was ließ sie sich zuerst so energisch der äthiopischen Herrschaft und später ebenso energisch der assyrischen Eroberung widersetzen? Die mir von J. J. Perepelkin vorgeschlagene Erklärung dieses auf den ersten Blick so geheimnisvollen Umstandes ist ebenso einfach, wie überzeugend. Es waren die mittleren Schichten der Stadtbevölkerung (die Handwerker, Händler, die Vorsteher der Maurer und die Schiffer), die am meisten unter Eroberungen ihrer Stadt durch feindliche Heere zu leiden hatten, denn ihr Eigentum war es, das diesen feindlichen Heeren als erstes als Beute zufiel. Die landwirtschaftlich tätigen Bauernkrieger dagegen brauchten um die Früchte ihrer Arbeit kaum zu fürchten, denn diese stellten, auf Grund ihrer leichten Verderblichkeit und weil sie über ein verhältnismäßig großes Territorium verstreut waren, für die assyrischen Eroberer eine wesentlich unattraktivere Beute, als die in den Städten angehäuften Produkte handwerklicher Tätigkeit, dar. Es ist gut möglich, daß eben diese mittleren Schichten der Stadtbevölkerung, die die Hauptlast der Eroberungen zu tragen hatten, aus ihren antiassyrischen Stimmungen heraus auf den ersten günstigen Moment warteten, um einen Aufstand vom Zaune zu brechen. Auch die Annahme J. J. Perepelkins, daß die äußerst angespannte Stimmung der Stadtbevölkerung die Herrscher der Städte zwang, mit Taharku zu verhandeln, scheint uns sehr einleuchtend.

So erlauben uns der inhaltliche Vergleich des 141. Kapitels des zweiten Buches von Herodots „Geschichte« mit Angaben ägyptischer und assyrischer Quellen einige bisher nicht ausreichend geklärte Angaben keilschriftlicher Quellen in ein neues Licht zu rücken. Mehr als das, dieser Vergleich gibt uns die Möglichkeit herauszufinden, wie sich die assyrische Eroberung auf die ägyptischen Sozialstrukturen ausgewirkt hat und in welcher Weise die Interessen der verschiedensten Gesellschaftsschichten von ihr berührt wurden.

²⁹ Schäfer H. Urkunden der älteren Äthiopienkönige, Leipzig, 1905, S. 1–56. Pianchi-Inschrift, 86.

Was die durch die Widersprüche zwischen den einzelnen sozialen Gruppen hervorgerufene innere Zerrüttung und Schwäche Ägyptens betrifft, so war sie den Assyryern schon vor ihrem Einfall in das Nildelta wohlbekannt. Davon zeugen die in Isaias (XXXVI, 6) angeführten Worte des assyrischen Heerführers Rabsake, die nicht nur an Eljakim, sondern auch an die auf den Mauern stehenden Einwohner von Jerusalem gerichtet waren³⁰:

הֲנֵה בְּתַתָּה צֶלֶם שְׂצֻצָנָה הַקִּנְיָה הַרְצִיץ הָזֶה עַל־מִצְרַיִם אֲשֶׁר יִסְמְךָ אֵשׁ עָלָיו וְבָא בְּכַפּוֹ וַיִּקְבְּהָ
כִּן פָּרַעַה מְלֶךְ־מִצְרַיִם לְכַל־הַבְּטָחִים צְלוֹ:

hinnē bāṭāhtā ʿal-mīšʿenet haqqāne hārašūš hazze ʿal-miṣrajim ʾašer jissāmēk ʾiṣ ʿalāw ubā
bʿkappō unʿqābah kēn parʿō meleḵ-miṣrajim lʿkol-habbōṭeḥīm ʿalāw.

„Sieh, du verlassst dich auf Ägypten, auf diesen abgebrochenen Rohrstab, der jedem in die Hand fährt, der sich darauf stützt, und ihn durchbohrt. So geht's mit Pharao, Ägyptens König, allen die auf ihn vertrauen.“³¹

Die nachfolgenden Ereignisse bestätigten die Richtigkeit dieser Einschätzung der politischen Lage. Kaum hatten die Assyryer ägyptischen Boden betreten, als schon die erste soziale Gruppe (μάχμοι) den Eroberern ihre Loyalität versicherte. Die Herrscher der ägyptischen Städte (šarrāni^{mes} māṭ Mu-šur) für ihren Teil trieben ein doppeltes Spiel und waren, sollte sich eine Gelegenheit bieten, zum Verrat bereit.

Die folgende Tabelle zeigt, welche sozialen Gruppen den Assyryern loyal gesonnen waren und welche ihnen feindlich gegenüberstanden, sowie die Gruppe, die ein doppeltes Spiel betrieb.

Loyalität zu den assyrischen Eroberern	Feindschaft zu den assyrischen Eroberern
<p>Libysche Bauernkrieger μάχμοι Her. II, 141</p>	<p>Kuschitisches Königshaus T(ʿ)hr(w)q = חַרְחֻקָה מֶלֶךְ־כּוּשׁ Jes. 37,9. n(j-)sw.t-bj.t nb tʿ.wj Bʿ-kʿ-Rʿ zʿ Rʿ nb ḥʿ .w T(ʿ)n(ʿ)t(j)-Jmn m¹Tar-qu-u šar₄ māṭMu-šur u^{māt}Ku-ú-si Rm. I, 53 m¹Taš-ṭa-ma-ne-e Rm. II, 21 Τεάρκων Strab. 1,61 Τεμένθης Polyæn. 7,3</p>
	<p>Prokuschitisches Priestertum Σεθῶν Her. II, 151 = ägypt. <i>stm</i></p>
<p>Herrscher ägyptischer Städte wr.w n.w Tʿ-mḥt Träumst. 24 šarrāni^{mes} māṭ Mu-šur Ann. I, Vs. 27</p>	<p>Bevölkerung der ägyptischen Städte nišē^{mes} alSa-a-a alPi-in-ti-ti alŠa-ʿ-^{nu} u si-it-ti alāni^{mes} Rm. I, 133-II, 1 κάπηλοι, χειρώνακτες καὶ ἀγοραῖοι ἄνθρωποι Her. II, 141</p>

³⁰ Liber Jesaiae praeparavit D. Winton Thomas // Biblia Hebraica Stuttgartensia quae antea cooperationibus A. Alt, O. Eißfeld, P. Kahle ediderat R. Kittel. Editio fundatus renovata. Stuttgart, 1968, p. 56. Jesaia, XXXVI, 6.

³¹ Die Heilige Schrift des Alten Bundes. Übersetzt von Paul Biessler. Leipzig, 1957, S. 951.

SOZIALE GRUPPEN ÄGYPTENS ZUR ZEIT DER ASSYRISCHEN EROBERUNG

Somit waren einige Gründe für die vernichtenden Niederlagen Ägyptens während des assyrisch-ägyptischen Krieges die tiefen inneren Widersprüche zwischen den libyschen Bauernkriegern und ihren Fürsten auf der einen und dem kuschitischen Königshaus, der prokuschitisch eingestellten Priesterschaft und der Stadtbevölkerung auf der anderen Seite. Aber auch das auf der Höhe seiner Macht befindliche assyrische Reich war von tiefen uns noch unklaren Widersprüchen heimgesucht, die nur kurze Zeit später zu seinem vollständigen Untergang beitragen sollten. Diesen nahenden Untergang des assyrischen Reiches sagte der Prophet Nahum³¹ mit den folgenden Worten voraus:

הַחַיִּטְבִּי מִנְּאֻמֹּן הַיְשָׁבָה בְּיַאֲרִים מַיִם סְבִיב לָהּ אֲשֶׁר־חִיל יָם מַיִם חֹמְתָהּ :
כּוֹשׁ עֲצָמָהּ וּמִצָּרִים וְאֵין מִצָּה פּוֹשׁ וְלוֹבִים הָיוּ בְּעִנְרֹתָיָהּ : גַּם־חַיִּטְבִּי לְגִלְגָּה הֶלְכָה בְּשִׁבְי
גַּם עָלְיָהּ יִרְפָּשׁוּ בְּרֹאשׁ כָּל־חֹצְוֹת וְעַל־נִכְבְּדֵיהֶּ יָדוּ גֹרְלֵל וְכָל־גְּדוּלֵיהֶּ רָתְקוּ בְּזַמְיִם :
גַּם אֲחַף תִּשְׁכַּרְי תְּהִי גַּם־עַלְמָהּ גַּם־אֲחַף תִּבְקָשׁי מֵעוֹ מֵאוֹיֵב :

⁽⁸⁾ h^atṭēbī minnō-’āmōn hajjoš^ebā bajē’orīm majim sabīb lah ’ašer-hēl jāmmijjām hōmātāh
⁽⁹⁾ kūš ‘ošmā ūmišrajim wēn qēše pūt w^elūbīm hājū b^eezrātēk⁽¹⁰⁾ gam-hī’ laggolā hāl^eka
baššebī gam ‘olāleji j^eruttēšū b^erōš kol-ḥūšōt w^eal-nikbaddeḥa jaddū gōrāl w^ekol-g^edōlehā
rutt^eqū ḥazziqqīm⁽¹¹⁾ gam-’att tišk^erī t^ehi na^{ca}lāmā gam-’att t^ebaq^ešī ma^cōz mē’ōjēb

„⁽⁸⁾ Bist du denn besser als No-Amon, das an Strömen lag, von Wasser umgeben, dessen Schutzwand ein Meer, dessen Mauern die Wasser waren? ⁽⁹⁾ Kusch war mächtig, und Ägypten kannte keine Grenze. Put und die Libyer zählten zu seinen Helfern. ⁽¹⁰⁾ Dennoch wurde sie vertrieben und musste gefangenwegziehen. Auch seine Kinder wurden zerschmettert an den Ecken aller Gassen, und über seine Vornehmen warf man das Los. Alle seine Großen wurden in Fesseln gelegt. ⁽¹¹⁾ Auch du wirst betrunken, wirst versteckt sein, Auch du wirst Schutz suchen vor dem Feind.“ Und wirklich, das Schicksal von Assyrien war schrecklicher als das Schicksal des ägyptischen No-Amon (d. h. Theben), weil das assyrische Reich nach seiner Niederlage aufhörte zu existieren.

³¹ Liber XII Prophetarum praeparavit K. Elliger // Biblia Hebraica Stuttgartensia quae antea cooperatio-nibus A. Alt, O. Eißfeld, P. Kahle ediderat R. Kittel. Editio fundatus renovata. Stuttgart, 1970, p. 55–56. Nahum, III, 8–11.



A. L. Vasojević

AENIGMA AMONRASONTHERIS sive: De regula tertia Kurtii Sethe commentarius

В основу статьи положен доклад «Загадка Амонрасонтера или примечание к третьему правилу Курта Зете»¹ прочитанный 17 ноября 1976 года на конференции студенческого научного общества Восточного факультета ЛГУ. В том же учебном году автор начал серьезно изучать латинский язык, уделяя особое внимание переводу с русского на латынь.

Tres regulae detectae ad syllabas formandas linguae aegyptiacae pertinentes maximi ponderis sunt apud viros doctos, qui de vocalisatione eiusdem linguae disputaverunt. Quarum regularum inventor esse fertur clarissimus Sethe, at principia quaedam generalia inter studia linguae copticae iam antecessores eius viderunt. Quorum primus Georgius Steindorff comperit, in vocabulis copticis, quae quidem ad radices palaeoaegypticas redeant unam tantum vocalem plenam esse, in eaque accentum poni.² Ita anno MCMXXIII Kurtius Sethe in opusculo quod inscribitur „Die Vokalisation des Ägyptischen“ afferens editionem primam grammaticae copticae Steindorffianae scripsit: „Dieser betonte Vokal kann nur in der letzten oder vorletzten Silbe des Wortes stehen ... Alle andern Silben des Wortes sind unbetonte Nebensilben, die statt eines vollen Vokales nur einen Hilfsvokal haben.“³

Haec regulae forma a Gardinero assumpta est in appendice A eius grammaticae aegyptiacae pro fundamento tertiae regulae de syllabis conformandis. Summa huius regulae usus est etiam Gardiner in vocalisatione nominum propriorum, quam in appendice B adoptavit.

Nam versio graeca nominum aegyptiorum generatim monstrat reductionem vocalium in syllabis non accentuatis quamquam ipsa nomina aegyptiaca plerumque nihil aliud sunt quam totae propositiones sive vocabulorum compositiones. Ita Gardiner scripsit: „In Graeco-Roman transcriptions it is the rule that when such a divine name stands at the beginning of a compound, it is less heavily vocalized than when it stands independently or at the end of a compound.“⁴

Quam regulam dicit stricte observandam esse. Attamen versiones graecas duorum nominum propriorum aegyptiacorum longiorum affert, quae videntur cum regula quoad reductionem non

¹ Вассоевич А. Л. Загадка Амонрасонтера или примечание к третьему правилу Курта Зете // «Вестник древней истории», 1981, № 3, с. 111-115.

² Steindorff G. Koptische Grammatik. Berlin, 1891, S. 41.

³ Sethe K. Die Vokalisation des Ägyptischen // «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 77, N.F., Bd. II, Leipzig, 1923, S. 176.

⁴ Gardiner A. Egyptian Grammar. 3-d ed., Oxford, 1957, p. 437.

consentire. Sunt ea nomina haec: Ἀμονρασοθηρ cui formae respondent aegypticum



Jmn-R^c-n-sw.t-nṯr.w, quod significat „Amon-Re deorum rex“ et Χνοβωνεβηβ aegypticum



Ḥnmw-^o-nb-^ʿbw id est „*Chnum dominus magnus Jeb.*“⁴ Ex numero talium nominum gravissimum est Ἀμονρασοθηρ nam plurima sunt nomina quae dei Amūn nomen in positione non accentuata per Ἄμεν- tradunt. Ipse Gardiner duobus exemplis supra allatis hanc adnotationem addit: „*It is probable indeed, that down to a relatively late period such divine names were not completely bereft, at the beginning of compounds, of the characteristic vowel, but had merely shortened it thus we find such exceptional Greek forms as Ἄμον — instead of Ἄμεν.*“⁵

Iam videmus secundum opinionem Gardineri mutationem quantitatis vocalis nihilominus accidisse. Quae sententia Gardineri iterum respondet eis quae apud scholam germanicam aegyptologicam occurrunt. Tamen commentarius investigatorum germanicorum in aenigma Amonrasontheris exactior videtur. Ita illustrissimus Sethe secutus Iohannem Abellium opinatur vocabulum correptum accentum secundarium (*Nebenakzent*) conservare, et quasi praeciens copticum ē tantummodo correptionem quantitativam vocalis indicare, similiter atque in statu constructo linguarum semiticarum fuit.⁶

Ita ex hoc commentario patet Ἀμονρασοθηρ, Χνομωνεβηβ et similia interpretanda esse tamquam formas arhaicas. Nam notum est nomina divina in lingua aegyptica saepe antiquissimas formas servavisse. Quin etiam antiquissimae versiones cuneiformes nominum propriorum aegyptiacorum demonstrant saeculis decimo quinto — decimo tertio ante Christum natum reductionem vocalium in lingua aegyptica multo minus floruisse quam postea. Videbitur fortasse ea quae senserunt exploratores germanici de aenigmate Amonrasontheris optime persuadere. Tamen si nobis proposuerimus colligere omnia genera transcriptionis aegyptiacorum nominum compositorum ubi appareat nullam reductionem vocalium initialium adesse, vis argumentationis illorum admodum imminuta erit. Apparet nomen aegypticum



Ḥr-z^ʿ-s.t „*Ḥōr filius Ēse*“ in versionibus copticis pro ὩρϢΗϢϢΙ vel ὩρϢΗϢΗϢE sonare.⁷ Itaque versiones copticae serioris temporis nullo modo indicant quantitatem vocalium in nomine Ḥōr in initio posito correptionem passam esse. At fortasse nomen „*Ḥōr filius Eše*“ quod in linguam copticam ex ima antiquitate advenit, vestigia antiquitatis plura quam nomen Amonrasonther exhibet, aut reductionem vocalis prohibitam esse pharyngali ḥ in initio posito?

Apparet versiones graecas antiquiores quam copticas hoc nomen per Ἄρσησις⁸ reddere. Inde concludimus versiones graecas incompletam reductionem vocalis in nomine dei Ḥōr monstrare. At nonnullae versiones copticae nominum compositorum aegyptiacorum, nomine Ḥōr incipientium, id nomen per Ὡρ — tradunt, quod reductionem plenam vocalis praebet. Ita Ḥr-

⁴ In vocalisatione nominum propriorum aegyptiacorum sequimur virum illustrissimum Georgium Perepelkin.

⁵ Gardiner A. *Egyptian Grammar*, 3-d ed., Oxford, 1957, p. 437.

⁶ Sethe K. *Die Vokalisation des Ägyptischen*// ZDMG, Bd. 77, N.F., Bd. II, Leipzig, 1923, S. 185.

⁷ Ranke H. *Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vokalisation*, Berlin, 1910, S. 57.

⁸ Ranke H. *Die ägyptische Personennamen*, Bd. 1, Gluckstadt, 1935, S. 250, 13.

wd'(w) „Hōr salvus est“, cui nomini respondet forma coptica ρεροϋοχ.⁹ Interdum versiones graecae eiusdem nominis aegyptiaci reductionem vocalium modo demonstrant, modo non item. Veluti nomen aegyptiacum Hr-sdm(w) „Hōr auditus est“ literis graecis modo Ὁρσθμις modo Ἀρσθμις¹⁰ tradunt. Interdum versiones graecae varies gradus reductionis praebent. Ita nomen Hr-jj(w) „Hōr adiit“ a graecis modo Ἀριεϋς modo Ἐριεϋς redditur. At tamen versio coptica ωρειεϋ¹¹ nullum vestigium reductionis continet. Etiam plura exempla eiusdem generis inveniri possunt.

Dicit vortasse aliquis talia exempla omnino nulla certa lege astricta atque mero casu explicanda esse. An assentiamur nuperrime proditae opinioni eorum qui de veritate quarundam regularum Sethe dubitant?¹² Aut ipsa tertia regula Sethe nihil aliud quam mythus quidam est? Priusquam de his dubitationibus gravissimis agamus, percensenda sunt alia exempla quae testimonio sunt nullam reductionem in initio nominum compositorum apparere. Incipimus ab exemplis notissimis.

„Servus“ lingua coptica per **BOK** redditur.¹³ At vocalem characteristicum hoc vocabulum etiam in initio nominis compositi B'k-n-rn.f „Servus nominis eius“ retinet. Testimonio est versio graeca Βοκχορις, fortasse etiam assyriaca ^mBu-kur-ni-ni-ip.¹⁴ Fortasse de absente reductione vocalis versio assyriaca cuneiformis saeculi septimi ante Christum natum ^mBu-uk-ku-na-ni-'-pi testatur, cui formae respondet nomen aegypticum B'k-n—nfj, quod significat „Servus venti.“¹⁵ Multum ponderis habent transcriptiones nominis aegyptiaci, Jmn-jr-dj-sw „Amūn eum dedit“ in aliis linguis apparentes. Sphenographia assyriaca hoc nomen per ^mA-mur-ṭe-še reddit.¹⁶ In sphenographia neobabylonica hoc nomen per ^mA-mu-ru-ṭa-'-is redditur.¹⁷ Etiam versio aramaica אַמֻּנֻרֻשִׁים mon-
strat nomen dei Anūn in initio positum vocalem primarium integrum conservare.¹⁸ Litterae autem graecae hoc nomen dupliciter tradunt: per scriptionem plenam Ἀμνορταισις per scriptionem breviorē Ἀμρταιος.¹⁹ Simile exemplum praebet neobabylonicum ^mA-mu-nu-ta-pu-na-
aḫ-ti, quam formam aegyptiologi plerumque pro nomine aegyptiaco Jmn-t'j.f-nḫt.t „Amūn vis eius est“ reddito accipiunt.²⁰

Tamen maximam partam exemplorum ex quibus apparet vocalium reductionem abesse in initio nominum compositorum praebent versiones nominum theophoricorum aegyptiacorum nomine dei Sūk incipientes. Fortasse in causa est vocalem ū in nomine dei Sūk oriundum ex o et w, quod oritur ex o et b. Tamen occurrunt quoque casus reductionis plenae vocalis ū in initio positi. Veluti: Σεκνεκτις, Σεκμιοφρις²¹ et similia. Iam transimus ad enumerationem exemplorum, quae

⁹ Ranke H. Ib., p. 246, 23.

¹⁰ Ranke H. Ib., p. 250, 19.

¹¹ Ranke H. Lib. land., Bd. I, p. 245, 21.

¹² Thacker T. W. The relationship of the Semitic and Egyptian verbal systems. London. 1954, p. 324; Edel E. Altägyptische Grammatik, Roma. 1955, p. 217, 226, 245, 335.

¹³ Černý J. Coptic etymological dictionary. London, 1976, p. 21.

¹⁴ Ranke H. Keilschriftliches Material zur altägyptische Vokalisation. Berlin, 1910, p. 47.

¹⁵ Ranke H. Ib., S. 27.

¹⁶ Ranke H. Ib., S. 17.

¹⁷ Wiseman D. J. Some Egyptian in Babylonia // «Iraq», VXXX, 1966.

¹⁸ Винников И. Н. Словарь армейских надписей // «Палестинский сборник». Вып. 5, Москва-Ленинград, 1958, с. 202.

¹⁹ Ranke H. Keilschriftliches Material zur altägyptische Vokalisation. Berlin. 1910, S. 44.

²⁰ Ranke H. Ib., p. 45.

²¹ Волков И. М. Древнеегипетский бог Себек. Петроград, 1917, с. 115.

quidam nobis innotu erunt, ubi reductio vocalis in nominibus compositis theophoricis a deo Sūk productis omnino abest. Sunt autem haec: Σουχαμμων, Συκατοιμς, Σοκμας, Σοκαβονθς, Σουχιρ, Σοκμηης, Σοκνεβτνς, Σοκνοπαιος, Σοκνουχιος, Σοκνοχις, Σοκονωπις, Σοκωννωκοννευς, Σοκονπιειος, Σοκοπαις, Σοκοπιχοσις, Σοχωτης, Σοχτης, Σοκαννοβκνοννευς, Σοκοννοβκνουβς, Πετεσοκοννουρις, Πασοκνοπαιος, Τασοκμηης.

Quorum summa efficit duo et viginti exempla.²² Itaque plurima exempla supra allata testantur absentiam reductionis vocalium in initio nominum compositorum aegyptiacorum saepissime occurrere. Etiam saepius autem reductio vocalium exemplis comprobatur.

Quomodo autem haec varietas exemplorum quasi inter se contradicentium explicanda est? Nobis videtur schola germanica aegyptologica proxime ad solutionem aenigmatis Amonrasotheris advenisse, cum de possibilitate accentus secundarii (*Nebenakzent*) memoraverit. Quid enim simplicius et evidentius esse potest.

Notissimae enim sunt formae vocabulorum aegyptiacorum cum tonicae tum atonae (sive constructae). Propterea si loco prioris partis compositi vocabuli aut nominis proprii invenimus formam tonicam, consentaneum est inde concludere id vocabulum accentuatum esse.

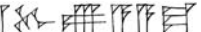
Ceterum accentus de quibus hic agitur nostra quidem sententia minime habendi sunt pro antiquis, immo sunt accentus secundarii orti in condicionibus vocabuli polysyllabi pronuntiandi. Hoc exempla demonsrant quae ad reductionem, vocalis in initio nominum compositorum comprobendam vulgo adhibebantur. Talia sunt graeca: Ἀμενεμμης, Ἀμενευς, Ἀμενωθης, Ἀμενωφς et similia.²⁴ Nam ostendunt reductionem plenam secundi vocalis accentuati in nomine dei Amūn. Contra nullam reductionem passus est vocalis eiusdem nominis primus nempe „a“ atonum. Atqui cum dei Amūn nomen medio loco positum est, „a“ in „ə“ reducitur.

Iam ponamus hominem Aegyptium antiquum nomen compositum longius verbi causa „Amon-Rē deorum rex“, quod constat quattuor partibus compositionis, proferre: nimirum proferri non potest reductis omnibus vocalibus praeter ultimum quod secundum tertiam regulam Kurtii Sethe accentum habet. Nam tails pronuntiatio contra naturam vivae orationis videtur esse.

Itaque nostram explicationem aenigmatis Amonrasotheris hac formula concipi volumus: **Si nomen compositum, etiam nomen proprium, constat ex duobus vel pluribus vocabulis, secundum principium minoris laboris in eloquendo in eius initio potest apparere accentus secundarius, qui cadit in aliquam ex primis syllabis. Veluti: ḥōrsiése, amūrṯais, āmenḥōtep, amōnrasontér.**

In tanta frequentia versionum sphenographicarum graecarum et copticarum in quibus vidimus reductionem vocalium in initio nominum compositorum aegyptiacorum abesse, non continuo apparet accentum secundarium linguae aegyptiacae proprium esse. Itaque commentarius noster de regula tertia Kurtii Sethe hypothetice tantum propositus est.


Sunt tamen aliquot versiones cuneiformes nominum aegyptiorum longiorum quae commentarium nostrum confirmare possunt, quo aenigma Amonrasotheris solvere conamur. Sunt autem versiones haec:

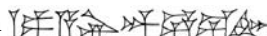
1. assyriacum  mPu-ú-a-a-ma, cui formae respondet nomen aegyptiacum

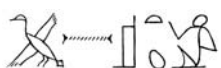
²² Omnia exempla desumpta sunt ex libro modo indicato.


²³ Sethe K. Die Vokalisation des Ägyptisches // ZDMG, Bd. 77, N.F., Bd. II, Leipzig, 1923, S. 185.


²⁴ Omnia exempla desumpta sunt ex libro: Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Dritte Auflage, neu bearbeitet von G.-E. Benseler. Erste Hälfte, Braunschweig, 1911.

 P'-n-jm, quod significat „Is qui maris est.“²⁵

2. neobabylonicum  mPa-a-ni-iiE-si², cui formae respondet aegyptiacum

 P'-n-'s.t, quod significat „Is qui Ēse (Gen.) est.“²⁶

3. neobabylonicum  mPi-i-ti-hu-ru, cui formae respondere videtur aegyptiacum

 P'-dj-Hr id est „Is qui a Hōro datus est.“²⁷

Gravissimum est quod omnes tres versiones cuneiformes nominum compositorum aegyptiacorum in initio scriptionem plenam habent.

Usque ad ultima tempora vulgo existimabant scriptionem plenam in usu fuisse ad significandum longam vocalem. Tamen scriptionibus plenis attentius exploratis quidam nostri temporis assyriologi concludunt tali scriptione significari non vocales longas sed accentum, quamquam id saepius in vocalibus longis accidat.²⁸

Si haec recte accipimus, tres versiones cuneiformes nominum compositorum aegyptiacorum continuo probant alterum accentum in his nominibus cadere in syllabam primam. Hunc accentum scriptio plena ostendit. Ita scriptio plena cuneiformes aenigmatis Amonrasotheris solvendi facultatem praebent.

²⁵ Rm I, 98.

²⁶ Giay A. T. *Business documents of Murashu sons of Nippur, Dated in the reign of Darius II (424–404 B.C.)* // *The Babylonian Expedition. Cuneiform text.* Philadelphia, 1904; X, 129, 18.

²⁷ Strassmaier J. K. *Inschriften von Darius König von Babylon (521–485 v. Chr.)* Heft I, Leipzig, 1892, 204, 5.

²⁸ Каплан Г. К. вопросу об ударении в среднеассирийском диалекте аккадского языка. // Конференция по семитским языкам 26–28 октября 1964 г. (Тезисы), Москва, 1964, с. 42. Vide etiam: Каплан Г. Х. К фонетике среднеассирийского диалекта аккадского языка // *Семитские языки. Материалы Первой конференции по семитским языкам.* Изд. 2-е исправленное и дополненное. Выпуск 2 (ч. I). М., «Наука», 1965, с. 194.



А. Л. Вассоевич

Гражданская психология и справедливость

Выступление А. Л. Вассоевича в день своего 48-летия, 12 июня 2002 года, когда редакция и редакционный совет журнала «Вестник политической психологии» проводили в НИИ Комплексных Социальных Исследований очередное заседание круглого стола, посвященное психолого-политическому анализу проблемы справедливости в современной России. В работе Круглого стола приняли участие виднейшие политические психологи Санкт-Петербурга, представители городской администрации и силовых структур. Текст выступления впервые опубликован в «Вестнике политической психологии», № 2 (3), за 2002 г., с. 2–4.

Уважаемые коллеги! Так уж распорядилась судьба, что мы собрались 12 июня, в день, который на самом деле является судьбоносным для нашей страны и который по праву можно было бы назвать «**днем независимости России от ее верхних и нижних конечностей**». Я хорошо помню тот летний день 1991 года, когда совершилось избрание Ельцина. Но еще за год умудренные жизненным опытом люди, в частности, мой тогдашний научный руководитель академик Борис Борисович Пиотровский, говорили, что это избрание будет означать распад СССР. С тех пор для меня 12 июня, день моего рождения, — это «*праздник со слезами на глазах*», потому что именно с того времени наше великое некогда государство вступило в пору тяжелейшего кризиса, который чреват, к сожалению, страшными геополитическими последствиями. Если мы совместными усилиями не переломим естественный ход событий, не остановим жуткие выморочные циклы, этот кризис приведет к гибели государства, к гибели страны.

История не имеет сослагательного наклонения, но, в отличие от истории, политическая психология в своей практи-

ческой части устремлена не в прошлое, а в будущее. И поэтому для нас важно, чтобы негативные процессы, характеризовавшие развитие нашего общества на протяжении последних пятнадцати лет, закончили свое разрушительное действие, чтобы на место тенденции к распаду, к разложению, к гибели пришла другая, позитивная тенденция, которая позволила бы нам всем выйти из сложнейшей критической ситуации.

Сегодня много говорят о русской национальной идее, но почему-то не приходят к четкому осознанию реальной ситуации. Русская национальная идея чрезвычайно проста, в современных условиях она сводится к одному единственному слову — **выживание**. Население, проживающее на территории нашей страны, должно выжить, а не погибнуть. А такая опасность существует, потому что каждый год оно уменьшается на один миллион.

Скажут — немножко меньше, но это «немножко меньше» получается за счет притока населения из бывших союзных республик.

На протяжении письменной истории человечества социальные катастрофы происходили с известной периодичностью, и

лишь утопическое философское сознание провозглашало возможность построения такого общества, в котором социальные бедствия навсегда уйдут в прошлое. Историческая реальность всякий раз убеждала в том, что общественные порядки, силой устанавливавшиеся для торжества равенства, очень скоро начинали восприниматься все большим числом людей как воплощенная несправедливость.

И это, кажется, должно было бы нас утвердить в мысли о том, что в самой структуре человеческого мышления неизменно присутствует начало, позволяющее в одних условиях считать вопиющей несправедливостью социальное неравенство, а в других социальных условиях такой же несправедливостью — социальное равенство людей, ибо сами-то люди не равны между собой, как не равны мы все, здесь присутствующие. Поэтому любая человеческая ментальность должна, помимо прочего, анализироваться еще и в такой системе координат, которая бы учитывала равенство и неравенство, а также чувство справедливости и несправедливости.



Мы помним последние годы так называемой «застойной эпохи», когда все были возмущены уравниловкой, когда всем казалось чрезвычайно несправедливым, что ударный труд и труд лодыря-разгильдяя оплачиваются одинаковым образом. Так же все большему количеству людей сегодня начинает казаться, что несправедливо нынешнее расслоение на-

шего общества, этот чудовищный разрыв между богатством олигархов и нищетой рядовых граждан.

Хочется надеяться, что работа нашего Круглого стола пройдет, как всегда, конструктивно. Мы пригласили сюда людей самых противоположных точек зрения, самых различных взглядов именно для того, чтобы получить некое объемное восприятие жизни, добиться некоего стереофонического звучания. И я, как председатель редакционного совета «Вестника политической психологии», выражаю надежду, что мы станем свидетелями весьма конструктивного обмена мнениями, как это уже бывало и прежде. Тогда всякое сегодняшнее выступление будет с интересом читаться в очередном номере «Вестника политической психологии».

Теперь перехожу непосредственно к справедливости. Сейчас огромным массам людей в нашей стране внушается мысль, что их удел — бедность (которая должна стать их «культурой»), а для олигархов, для денежных воротил предлагается другая «культура» — культура гедонизма. И тут я с трепетом вновь начинаю припоминать так называемое «ленинское учение о двух культурах». Вообще-то существует масса определений культуры. Одно из них, мне полюбившееся, принадлежит Эльне Александровне Орловой, доктору философских наук, профессору, в недавнем прошлом — заместителю директора Российского института культурологии. Согласно Орловой, культура — это мир искусственных объектов и заученного поведения. К сожалению, в этом определении отсутствует психологическая составляющая, но если провозгласить, что культура — это самовыражение человеческого духа в мире искусственных объектов и заученного поведения, то, мне кажется, все становится на свои места. И представители психологии смогут с таким определением смириться.

Но что же такое «культура бедности»?

Это заученное поведение, которое навязывают нашим согражданам те, кто избрал для себя «культуру гедонизма». Но и им надо же все-таки понимать, что мир, в котором мы живем, хрупок. Я имею в виду именно наш нынешний, российский мир.

Когда-то многим казалось, что Российская империя незыблема. В 1913 году, на вершине экономического подъема, династия Романовых отпраздновала свое трехсотлетие, но оказалось, что прав-то был Ленин, который говорил: *«Стена — да гнилая, ткни — и развалится»*. Прошло время, и многие стали считать, что Советский Союз — это «будущее навсегда», а идеи Ленина в нашей стране непоколебимы. Но опять оказалось, что воздвигли здание величественное, но на непрочном фундаменте. Нашлись люди, которые пусть и не были революционерами в прежнем рос-

сийском понимании этого слова (этакими молодцами с бомбами и прокламациями, формирующими вооруженные отряды), но они входили в высшее политическое руководство СССР и хорошенько ткнули в фундамент государственного здания. И Советский Союз рухнул. Поэтому не надо думать, что современное российское общество является более прочным, чем Российская империя или «единый, могучий Советский Союз».

Две психологические составляющие лежат в основе классовой ненависти: зависть (бедных — к богатым, несчастных — к удачливым) и обостренное чувство несправедливости. И если мы начинаем сейчас анализировать проблему социальной справедливости, следует помнить, что это проблема исключительной общественной значимости. Благодарю за внимание.



А. Л. Вассоевич

Психолого-политические последствия агрессии НАТО в Югославии

Выступление на научно-практической конференции «Вопросы правовых и политических последствий агрессии НАТО в Югославии», проводившейся Конгрессом работников науки, техники, образования, здравоохранения и культуры 21 июня 2003 года. Текст выступления опубликован в газетах: «Левша», № 8, июнь 2003 г., с. 1–2, и «Ленинградская правда», № 7 (22269), июнь 2003 г., с. 3.

Существует два противоположных взгляда на мир. Один — правовой, восходящий еще к нормам римского права, которое считает: «*Lex est quod populus iubet atque constituit*» — «Закон — это то, что народ одобрил и постановил». А есть прямо противоположный взгляд — неправовой, где все определяется силой и политической целесообразностью. Он лучше всего сформулирован великим русским баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым: «*У сильного всегда бессильный виноват*». То, что произошло в 1999 году в Югославии, то, что на наших глазах совершалось в Ираке, логически вытекает из крыловской гениальной формулировки.

Надо совершенно откровенно признать, что предпосылки югославской трагедии корнями уходят в историю нашей «перестройки». Крушение европейской стабильности не было бы возможным без разгрома Союза Советских Социалистических Республик. Психологам и историкам еще предстоит выяснить, каковы те личностные побудительные мотивы, которые заставили высшее политическое руководство СССР, точнее, Политбюро Центрального Комитета КПСС, возглавляемое

Горбачевым, избрать политический курс на развал мировой социалистической системы и на уничтожение собственного государства. Совершенно очевидно, что если бы сохранился двухполярный мир, если бы сохранялось равновесие между НАТО и Варшавским договором, югославская трагедия просто не могла бы произойти. Более того, в пору противостояния двух блоков — Западного и Восточного — Югославия занимала уникальное положение. Это была, наверное, единственная социалистическая страна, которая являлась любимицей всех западных государств. Все считали, что только в Югославии существовал социализм с «человеческим лицом», потому что другие попытки его провозглашения — будь то кровавая в Венгрии 1956 года или «бархатная» в Чехословакии в 1968 году — захлебнулись. Иосип Броз Тито всегда более чем положительно характеризовался иностранным радиовещанием на Советский Союз. И вообще Югославия представлялась неким примером, которому надо бы следовать и нашей стране, и другим странам социалистического содружества. Это была великолепная политическая риторика, направленная на то, чтобы изменять

сознание людей, населявших как СССР, так и страны-сателлиты, как именовали их в тех же передачах Би-би-си, «Голоса Америки» и «Свободной Европы».

Вполне понятно, что **идея общечеловеческих ценностей является** хотя и красивой, но научной **фикцией**. Реальные эгоистические интересы как отдельных людей, так и мировых финансово-промышленных групп, отдельных государств, всегда берут верх над общими альтруистическими устремлениями. На Западе **геополитические ценности всегда преобладают над** какими бы то ни было **иными ценностями**, в том числе и над теми привлекательными декларациями, которые называются правами человека. Иное дело у нас. Высшее политическое руководство Советского Союза вопреки национальным интересам согласилось и на демонтаж Варшавского договора, и на низвержение в ГДР Эрика Хоннекера, и на государственный переворот в Народной Республике Болгария, который привел к падению Тодора Живкова, да и кровавые события в Румынии, завершившиеся физическим уничтожением Николае Чаушеску, направлялись из советского посольства. И если уж говорить о «руке Москвы», которой так долго пугали западных обывателей, то именно в «перестроечный» горбачевский период эта «рука» действовала в Восточной Европе и на Балканах самым действенным образом, но вопреки как интересам Советского Союза, так и национальным интересам государств-союзников. Все это самым трагическим образом повлияло на политическую обстановку в Югославии.

Ни для кого из нас не секрет, что Югославию и Россию связывали давние и добрые дружеские отношения. Когда одна из первых крупномасштабных международных провокаций — убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево — привела к самым трагическим последствиям и мир начал впадать в состояние мировой войны, царское правительство однозначно поддержало Сербию, дружественный православный народ. И во время Второй миро-

вой войны, несмотря на то, что уже задолго до открытого конфликта личность Иосипа Броз Тито вызывала большие подозрения у Иосифа Виссарионовича Сталина, мы также поддерживали Югославию. Это традиция русской политической культуры, ибо вряд ли мы можем найти более близкий по духу, по своей ментальности, по верности православию народ, чем сербы и черногорцы. Трагедия Югославии состоит в том, что славянские народы, ее населявшие, оказались разделены по конфессиональному признаку. Подобно тому, как в советское время некоторые люди ради своего карьерного успеха вступали в партию, точно так же многие югославы, несмотря на свое славянское происхождение, принимали ислам. Другие, которые этнически, по крови тоже были братьями-славянами, оказывались в сфере католического влияния. Большинство людей на нашей планете, не считая политпсихологов и политтехнологов, свято убеждены в том, что этнос, национальная принадлежность есть нечто богоданное, порожденное природой навеки. А между тем (по А. М. Зимичеву) **этнос — это любое объединение людей, которые осознают свою общность и могут сказать о себе «мы»**. Был период, когда наша страна представляла перед всем миром в качестве **единого советского народа**, который, кстати, на Западе именовали по старинке «русские». Но коль скоро появляется вероятность разделения суперэтноса на «мы» и «не мы», открывается благодатная возможность для политических манипуляций. И, по сути дела, те, кто планировал информационно-психологическую войну против Советского Союза, с еще большим интересом присматривались к территории сравнительно небольшого балканского государства. Ибо религиозная разобщенность населения Югославии могла послужить замечательным предлогом для расчленения югославского суперэтноса на враждующие, непримиримо относящиеся друг к другу этносы, что и произошло. Мы должны понимать, что югославская

трагедия — это генеральная репетиция той крупномасштабной трагедии, планы которой вынашивают стратеги западного мира и в первую очередь, конечно, автор «Великой шахматной доски» З. Бжезинский. Но мир, к счастью, и сложнее, и многообразнее, чем об этом мечтают политические игроки. И это счастье для нас.

Да, поколение, к которому принадлежит нынешняя правящая элита России, является поколением, о котором сложена знаменитая песня: *«Гуд бай, Америка. Нас так долго учили любить твои запретные плоды»*. И поразительная вещь: именно 24 марта 1999 года, когда начался трагический вооруженный конфликт между НАТО и Югославией, в нашем общественном сознании стали проявляться очень важные перемены: от благоговейного, раболепного отношения к Америке, которое наблюдалось в широких массах, к более настороженному, скептическому, трезвому отношению. Не надо думать, что 23 марта, когда Евгений Максимович Примаков дал распоряжение летчикам развернуть свой самолет, он действовал по влечению своей души, просто как друг народа Сербии и Черногории. Нет. Дипломат такого уровня, политик, поднявшийся столь высоко, не мог не знать слов Талейрана: *«Бойтесь первого движения души, ибо оно самое благородное»*. Примаков прекрасно почувствовал, что буквально в течение ближайших дней и недель произойдет радикальный разворот общественного сознания в нашей стране, и он предпринял абсолютно продуманный политический ход. Как бы ни были трагичны последствия американских бомбардировок в Югославии, как ни прискорбна участь Слободана Милошевича, но эти жертвы Сербии и Черногории не напрасны. Во-первых, положение Слободана Милошевича намного завиднее положения того же Зорана Джинджича. Ибо лучше находиться в тюрьме Гаагского трибунала, чем пасть жертвой террористического акта. А во-вторых, именно после 24 марта 1999 года началось отрезвление рос-

сийского общества, началось понимание того, как Америка может поступать с будто бы дружественными государствами.

Нынешние дружественные отношения между нашей страной и США тоже преследуют вполне конкретную цель — парализовать нашу коллективную политическую волю, притупить бдительность. А ведь то, что произошло в Югославии, может случиться и с нами.

Конечно, у нас вроде бы есть и другой друг — Объединенная Германия. Но давайте не будем забывать о том, что уже в последних числах марта в Германии вспомнили старинное немецкое присловие, которое датируется 1914 годом: *«Serbien muss Sterbien»* — *«Сербия должна умереть»*. Так начал шутить народ. Что же касается немецкого генералитета, то я просто напому вам слова генерала Наумана, который сказал: *«Если югославский президент Слободан Милошевич полагает, что грозящие его стране бомбардировки со стороны НАТО будут булавочными уколами, то он ошибается»*. Именно с таким предупреждением председатель военного совета НАТО Клаус Науман выступал в Бонне накануне агрессии против Югославии.

Итак, в чем же значение и каковы психолого-политические последствия югославской трагедии для России? Они заключаются в том, что жертвы, понесенные народами Югославии, не были напрасными. Они изменили психолого-политическое состояние российского общества. Но кроме того, арест в США Павла Бородин сыграл важную воспитательную роль для правящей элиты, которая осознала, что она в одночасье может лишиться не только всех своих капиталов, всех своих сбережений, вывезенных за рубежи Российской Федерации и помещенных в иностранные банки, но и свободы. Однако гораздо большее воспитательное значение имеет трагическое положение Слободана Милошевича. Это предостережение и ныне действующему, и будущим российским президентам. *«У сильного всегда бессильный виноват»*.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ А. Л. ВАССОЕВИЧА

1978

1. О происхождении слова «нефть» // «Природа», 1978, № 8, с. 159–160.

2. Этимология слова «нефть» // «Известия высших учебных заведений. Нефть и газ», 1978, № 6, с. 102–106.

1979

3. НАФӨА. Древняя история термина // Накопление и преобразование седикахитов. М., «Наука», 1979, с. 195–208.

1981

4. Об искусственной нефти у древних // «Известия высших учебных заведений. Нефть и газ», 1981, № 6, с. 89–93.

5. Загадка Амонрасонтэра или примечание к третьему правилу Курта Зэте // «Вестник древней истории», 1981, № 3, с. 111–115.

1982

6. К реконструкции системы египетского вокализма (о редукции гласных в египетском языке VII века до нашей эры) // «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». XVI, ч. 1, М., «Наука», 1982, с. 172–177.

1983

7. Две нефти?! (К постановке вопроса о древних искусственных нефтесаменителях) // «Вопросы истории естествознания и техники», 1983, № 1, с. 82–90.

8. К основам египетского вокализма // «Вопросы языкознания», 1983, № 4, 130–135.

9. Редуцированные гласные в египетском языке VII в. до н.э. (По ассирийским клинописным передачам египетских имен собственных) // «Вестник древней истории», 1983, № 3, с. 88–95.

10. BITUMEN (к истории термина) // Успехи в развитии осадочномиграционной теории нефтегазообразования. М., «Наука», 1983, с. 234–250.

11. Основные вехи политической судьбы Перура // «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», XVII, ч. I, М., «Наука», 1983, с. 127–132.

1984

12. По поводу статьи М. М. Постникова и «культурно-исторических» публикаций его последователей // «Вопросы истории естествознания и техники», 1984, № 2, с. 114–125.

13. Древнейшие упоминания нефти (к изучению вавилоно-ассирийских источников по истории естествознания и техники) // Древний и средневековый Восток. История и филология. (Проблемы источниковедения). М., «Наука», 1984, с. 10–24.

14. Опыт сопоставления Herodotus II, 141 с некоторыми древневосточными текстами // Древний и средневековый Восток. История и филология. (Проблемы источниковедения). М., «Наука», 1984, с. 25–41.

15. НАФӨА. Quae fuerit termini naphtha antiquis temporibus propria significatio // „Philologus. Zeitschrift für klassische Philologie.“ Bd. 128, Berlin. 1984, S. 208–229.

16. К истории изучения письменности и языка древних египтян (филологические труды Ю. Я. Перепелкина) // «Известия Академии наук СССР: серия литературы и языка», т. 43. 1984, № 3, с. 258–265.

17. О новолатинской востоковедной литературе // Третья Всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. I: История, источниковедение, историография. М., «Наука», 1984, с. 21–22.

18. Vocales reducti in lingua Aegyptiaca saeculi VII ante Christum natum / (Quomodo tradantur nomina propria Aegyptiaca in scriptura cuneiformi Assyriaca) // Третья Всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. I: История, источниковедение, историография. М., «Наука», 1984, с. 22–24.

19. О некоторых фактах исторической грамматики в свете основного закона зву-

кового строя египетского языка // Третья Всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. II, ч. 2 : языкознание. М., «Наука», 1984, с. 141–143.

20. Колодезная добыча нефти до нашей эры // Истоки развития горной науки и техники. М., 1984, с. 143–151.

21. Нефть в хозяйственной и культурной жизни древних обществ Передней Азии и Египта. Специальность — 07.00.03 «Всеобщая история». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., ИВ АН СССР. 1985. — 22 с.

1985

22. Тацит о нефтедобыче в Мертвом море // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников (ИВ АН СССР). Т. I, ч. I, М., «Наука», 1985, с. 11–13.

23. О целесообразности введения двух новых терминов в науку о клинообразных письменностях // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников (ИВ АН СССР). Т. I, ч. II, М., «Наука», 1985, с. 159–161.

24. Еще раз об основном законе звукового строя египетского языка // Древний и средневековой Восток. М., «Наука», 1985, с. 12–29.

25. Scriptio duplex vocalis в клинописных передачах египетских имен собственных // Древний и средневековой Восток. М., «Наука», 1985, с. 30–35.

26. Тревожный сигнал. Повел гостей по Петроградской стороне // «Ленинградский рабочий», № 37, 13 сентября 1985 /2598/, с. 12.

27. Социальные группы Египта в условиях ассирийского завоевания // Социальные группы традиционных обществ Востока, ч. I, М., «Наука», 1985, с. 3–16.

1986

28. О передаче египетского 𓆎 в клинописи // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. III, М., «Наука», 1986, с. 28–29.

29. О передаче египетского 𓆏 в клинописи // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. III, М., «Наука», 1986, с. 29–32.

30. О древнеегипетской креатотерапии. (К изучению древнейших источников по истории естествознания) // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов, Т. I, М., «Наука», 1986, с. 117–118.

31. Возрождение новолатинской литературной традиции в отечественном востоковедении // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. I, М., «Наука», 1986, с. 177–180.

32. Пироговский музей был стерт с лица земли... // «Ленинградский рабочий», 1986, 5. II, № 49 (2662), с. 12.

33. Наблюдения над хирургическим папирусом Эдвина Смита I, 1–12 // Древний и средневековой Восток. М., «Наука», 1986, с. 3–30.

34. Соболевский Иван Александрович // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам, XIX, Тарту, 1986, с. 106.

1988

35. О креатотерапии древних египтян // Исследования в области истории науки и техники. Сб. тезисов к обл. конф. ЛОСНО-ИФЕТ. Л., 1988, с. 135–137.

36. Zum 80. Geburtstag von Wolfram Freiherr von Soden // Древний и средневековой Восток. Ч. I, М., «Наука», с. 3–4.

37. Пе-крур — князь Пе-Сопта (к жизнеописанию египетского повелителя времени XXV царского дома) // Древний и средневековой Восток. Ч. I, М., «Наука», 1988, с. 18–22.

38. Наблюдения над хирургическим папирусом Эдвина Смита I, 12–18 // Древний и средневековой Восток. Ч. I, М., «Наука», 1988, с. 30–51.

39. К истории изучения материальной культуры народов Востока. (Археологические исследования Б. Б. Пиотровского) // Материальная культура Востока. Ч. I, М., «Наука», 1988, с. 4–30.

1989

40. Проблема кинетической речи в трудах И. А. Соболевского // История и традиционная культура народов Востока. Ч. II, М., «Наука», 1989, с. 170–184.

1990

41. Борис Борисович Пиотровский / Авт. вст. ст. А. Л. Вассоевич. Сост. Л. А. Калашникова, А. Л. Вассоевич. М., «Наука», 1990. — 96 с.

42. Древнейшие экологические пророчества // Роши заповедные, Лениздат, 1990, с. 269–275.

43. Soziale Gruppen Ägyptens zur Zeit der assyrischen Eroberung // «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde». Bd. 127, Heft 2, 1990, S. 171–178.

44. Опасное очарование экстремизма // «Ленинградский рабочий», № 42 (2863), 19 октября 1990, с. 10.

1992

45. Aufruf des neuen Redaktionskollegiums an die Leser der Zeitmig «Wetsche» // «Вече», № 1, (9), апрель 1992, с. 1.

46. Тезисы к идеологической доктрине Русско-германской ассоциации // «Вече», № I (9), апрель 1992, с. 2.

47. Возрождение «Анненшуле» // «Вече», № 1 (9), апрель 1992, с. 2.

48. Возрождение Анненшуле // «Литературный вестник», 1992, № 3, с. 5.

1993

49. Перепёлкин Юрий Яковлевич. 1 июня // Исторический русский календарь. 1993 год. СПб., «Литературный вестник». 1993.

1994

50. Немецкая воскресная школа и мальтийский орден // «Глашатай. Русская оппозиционная газета», № 3 (42), март-апрель 1993, с. 2.

51. Психолингвистическая составляющая в формировании политической ситуации в прошлом и настоящем // Политическое поведение и политические коммуникации. Психологические, социологические и филологические аспекты. Тезисы и тексты докладов российско-американской конференции. СПб — Красноярск — Иркутск. 1994, с. 57–59.

1995

52. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Специальность 17. 00. 08. М., РИК, 1995. — с. 54.

53. Хирургический папирус Эдвина Смита (Опыт комплексного источниковедческого исследования) // Архив истории науки и техники. Вып. I. М. «Наука», 1995, с. 86–144.

1997

54. Историческая психология и закон предопределенности базовых психических ориентаций // Поиски исторической психологии. Сообщение и тезисы докладов Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 21–22 мая 1997 г. Ч. I, СПб., «Третья Россия», 1997, с. 7–10.

55. Программа курса ДС. 04. «Актуальные проблемы востоковедения» // Магистерская подготовка по направлению 540300 — «Социально-экономические знания». Учебные планы и программы. СПб., «Образование». 1997, с. 40–41.

1998

56. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании) // Руководство по востоковедению. Вып. 1, СПб., «Алетейя», 1998, 539 с.

57. Немецкий образ мышления: чистота и порядок // «Petersburg. Петербург», № 1, апрель 1998, с. 8.

58. К историко-психологическому постижению духовного мира Иосифа Сталина. (Церковная риторика и стилистика сталинских выступлений) // Историческая психология сталинизма и ее судьба. СПб., «Минерва-2», 1998, с. 9–11.

1999

59. Психолого-политическое значение парламента для Санкт-Петербурга // Парламент как субъект и объект изменений. Психология парламентаризма. Материалы международной конференции. СПб., Изд-во НИИХ СПбГУ, 1999, с. 48–49.

60. Живые и мертвые. Беседа корреспондента «Советской России» Сергея Иванова с египтологом, доктором философских наук, профессором Андреем Леонидовичем Вассоевичем // «Советская Россия», № 77 [11820], 6 июля 1999, с. 4.

2000

61. О Юрии Яковлевиче Перепёлкине и его научных открытиях // Перепёлкин Ю. Я. История Древнего Египта. Под общей редакцией доктора философских наук, профессора А. Л. Вассоевича. СПб., «Летний сад», Журнал «Нева», 2000, с. 5–54.

62. О рукописи Ю. Я. Перепёлкина «Раннее царство» // Перепёлкин Ю. Я. История Древнего Египта. Под общей редакцией доктора философских наук, профессора А. Л. Вассоевича. СПб., «Летний сад», Журнал «Нева», 2000, с. 469–470.

63. Идеология нового элитаризма в условиях криминально-мафиозного способа производства // Российские элиты на рубеже веков (социальные технологии нового элитаризма). Материалы научно-практической конференции. СПб., Санкт-Петербургский институт стратегических исследований, 2000, с. 62–68.

64. Древний и средневековый Восток. Программа курса «История мировых цивилизаций». Под ред. чл.-кор. РАО, доктора исторических наук, профессора В. К. Фураева. СПб., Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. — 62 с.

2001

65. Примечания и общая редакция // Перепёлкин Ю. Я. История Древнего Египта. Под общей редакцией д. филос. н. проф. А. Л. Вассоевича. СПб., Летний сад, 2001. 668 с., с илл.

66. Российские элиты и выморочные циклы страны в исследованиях Г. С. Водолеева. В кн.: Водолеев Г. С. Выморочные циклы России. [СПб., 2001] (без указания места и года издания), с. 3–8.

67. Иррациональное и рациональное в американской трагедии // «Вестник политической психологии». № 1. СПб., 2001, с. 3–4.

68. Философские основы психологического описания менталитета народов классического Востока // Восток: Философия. Религия. Куль-

тура. Межвуз. сб. / под ред. Е. А. Торчинова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001, с. 7–39.

69. Юбилейное сознание русских и магия чисел. // «Вестник политической психологии», № 1. СПб., 2001, с. 18–19.

2002

70. Юбилейное сознание русских и магия чисел. // «М ОСТ», № 52, июль 2002, с. 68–69.

71. Магия чисел и юбилейное сознание русских. «Новый Петербург», № 22 (546), 30.05.02, с. 4

72. Российские элиты на этапе формирования гражданского общества // «Вестник политической психологии». №2. СПб., 2002, с. 3, 21–22.

73. Психологические реконструкции русского символа реализма. Вступительная статья к кн.: Москвин О. Н. Обман (Избранные произведения). СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургская Акмеологическая академия», 2002, с. 5–12.

74. Информационные войны. К истории становления приемов психологического воздействия // Россия — планетарные процессы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002, с. 717–751.

75. Гражданская психология и справедливость // «Вестник политической психологии». №3. СПб., 2002, с. 3–4.

76. Психологические основания контрглобализации // «Вестник политической психологии». №3. СПб., 2002, с. 24–29.

77. Обсуждение книги // Баранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология. Теории самоорганизации индивидуума и социума. СПб., «Политехника», 2002, с. 328–330.

78. Нефть в Древнем Иране. // «Вестник Восточного института», № 11, СПб, 2002, с. 62–78.

2003

79. В. В. Струве и «Египетская история» Манефона. Струве В. В. Манефон и его время. СПб., изд-во «Журнал „Нева“»; ИТД «Летний сад», 2003, с. 5–54.

80. Церковное красноречие и стилистика сталинских выступлений // «Вестник политической психологии», № 2 (5), СПб., 2003, с. 27–29.

(Продолжение в следующем спецвыпуске).

